

Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. [Общие вопросы: О перстоложении для крестного знаменія и благословенія] // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 4. С. 34–72 (2-я пагин.).
(Продолжение.)

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ.

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія ¹⁾.

1) Для крестнаго знаменія.

Обычай изображать на себѣ крестное знаменіе восходитъ у христіанъ къ глубокой древности. Уже Тертуліанъ за свое время, т. е. за послѣднюю четверть II — первую четверть III вѣка, говоритъ о немъ, какъ о всеобщемъ и незапамятно давнемъ обычаѣ ²⁾, а Василій Великій прямо и положительно относитъ его къ числу предацій апостольскихъ ³⁾.

Обычай имѣеть свою исторію не только въ отношеніи къ сложенію перстовъ руки, но и къ части тѣла, на которой изображать крестъ, и къ способу изображенія креста.

Въ настоящее время мы изображаемъ крестъ на верхней части своего тѣла такимъ образомъ, что онъ ложится своими концами на челъ (лбу), нижней груди или верхнемъ

¹⁾ Въ статьяхъ, имѣюшихъ быть посвященными частнымъ вопросамъ, которые составляютъ предметъ спора между нами и старообрядцами, мы предполагаемъ задачею себѣ не подробное изслѣдованіе вопросовъ, что сдѣлано уже врежде насъ, а только дополненія и поправки къ существующимъ изслѣдованіямъ. Если будемъ при этомъ нѣсколько повторять старое, то — для удовлетворенія необходимому требованію ясности и связности рѣчи.

²⁾ De corona militis, cap. II, § 20.

³⁾ Каноническое правило 91-е, представляющее собою мѣсто изъ книги о Св. Духѣ къ еп. Амфилохію.

животѣ и на плечахъ, иначе сказать — обнимаетъ собою площадь указанныхъ частей тѣла. Самый способъ изображенія креста въ настоящее время состоитъ въ томъ, что перстосложенной рукой мы прикасаемся къ челу, нижней груди или верхнему животу ¹⁾ и къ плечамъ, т. е. что на самомъ тѣлѣ дѣйствительнымъ образомъ мы означаемъ только конечныя точки креста, а его линіи (продольную и поперечную) проводимъ рукою въ воздухѣ. Очень долгое время то и другое было не такъ, какъ это теперь. Что касается части тѣла, то крестъ изображаемъ былъ на одномъ только челѣ. Что касается до способа изображенія, то онъ въ буквальной смыслѣ былъ начертывается на тѣлѣ, а именно — изображаемъ былъ такъ, что рукою проводились на челѣ или по челу сначала продольная линія, потомъ поперечная ²⁾.

Обращаемся къ исторіи перстосложенія.

Въ продолженіе первыхъ семи слѣдкомъ вѣковъ христіане изображали или начертывали на себѣ крестъ пре-

1) Новѣйшіе греческіе ученые стоятъ за то, чтобы прикасаться рукою къ животу, а не къ груди, см. въ Пидалионѣ примѣчаніе къ 91-му правилу Василія Великаго (пер. Макеимъ Грекъ и иподіаконъ Дамаскинъ въ XVI в. и Христофоръ Ангель въ XVII в. также говорятъ о прикосновеніи рукою къ животу).

2) Всѣ древніе отцы до Іоанна Дамаскина включительно (т. е. между 750—780 годами), которые, говоря о знаменіи креста, прямо указываютъ мѣсто тѣла, на которомъ оно полагается, называютъ этимъ мѣстомъ чело, см. сводъ рѣчей отцовъ о знаменіи креста въ сочиненіи *Іакова Гретзера* (Gretserus) *De sancta cruce* (три тома, Ratisbonae, 1734), Tom. I, lib. IV, а менѣе полный у *Савьера* въ Словарѣ (Theaurus ecclesiast.) подъ сл. *σταυρός*. У нѣкоторыхъ отцовъ читаются нарочитыя рѣчи о томъ, почему знаменіе креста полагается именно на челѣ, напр. у Кириана Карвагенскаго въ сочиненіи *De unitate ecclesiae* (по другому надписанію: *De simplicitate praelatorum*), у Августина въ отрывкѣ слова 27-го на слова апостола въ посланіи къ Галатамъ гл. 6, у Іоанна Златоустаго въ словѣ или трактатѣ противъ Іудеевъ и язычниковъ, что Христосъ есть Богъ, у Іоанна Дамаскина въ Точномъ изложеніи православной вѣры, гл. 84 (Златоустый дасть знать, что долженствовавшій быть начертываемымъ на челѣ крестъ иногда начертывался на всемъ лицѣ, т. е. что продольная черта его проводилась съ чела на носъ и далѣе, а поперечная черта проводилась не по серединѣ чела, а по низу его, по глазамъ или ниже глазъ, ибо употребляетъ выраженіе „начертывать крестъ на лицѣ“, *σφραγίζειν τὸ πρόσωπον, ἑπιπέσει σταυρὸν ἐπὶ ὀφθαλμοῦ*, — противъ Іудеевъ слово 8-е и на евангеліи отъ Матвея слово 54 или по другому счету 55, на гл. 16, ст.

имущественно однимъ перстомъ, но отчасти и нѣсколькими перстами. Изъ приведенныхъ до настоящаго времени въ извѣстность свидѣтельствъ, которыя прямо говорятъ о перстахъ, всѣ свидѣтельства за исключеніемъ одного говорятъ въ единственномъ числѣ о перстѣ, а одно во множественномъ числѣ о перстахъ. О начертаніи креста перстомъ, т. е. однимъ перстомъ, говорятъ: Іоаннъ Златоустый, Елифаній Кипрскій, блаж. Іеронимъ, Θεодоритъ Кирскій, Со-

13). Что крестъ изображаемъ былъ на челѣ посредствомъ дѣйствительнаго начертанія его на послѣднемъ или чрезъ проведеніе рукой по челу продольной линіи и поперечной, а не посредствомъ обозначенія концовъ его точками или не чрезъ прикосновеніе рукой къ челу въ четырехъ мѣстахъ, это, во первыхъ, необходимо предполагать само собой: съ одной стороны, изображать малый крестъ на челѣ посредствомъ точекъ или посредствомъ четырехкратнаго прикосновенія къ челу рукой, какъ мы теперь изображаемъ большой крестъ на верхней части тѣла, было бы дѣломъ неестественнымъ и несообразнымъ; съ другой стороны, въ данномъ случаѣ, какъ и всегда бываетъ, люди, конечно, начали съ менѣе искусственнаго и потому уже перешли къ болѣе искусственному, а менѣе искусственный способъ изображенія креста есть именно первый. Въ вторыхъ, отцы и писатели употребляютъ объ изображеніи креста такія выраженія, которыя ясно даютъ знать, что онъ именно начертывался чрезъ проведеніе по челу рукою продольной и поперечной линій; выраженія эти суть: *ἔγραψα* — начертываю, вычерчиваю, *ἔγραψα* — надписую, написую, *σφραγίζω* (наболѣе употребительное) — отпечатлѣваю, напечатлѣваю, т. е. изображаю крестъ такъ, чтобы это его изображеніе было какъ бы дѣйствительнымъ и настоящимъ его отпечаткомъ; *τετο* — тру, т. е. изображаю крестъ посредствомъ тренія, вычерчиванія рукой по челу (Тертуллианъ: *frontem crucis signaculo terimus*), *inscribo*, *conscribo* — надписую, написую, *pingo* — живописую, *presso*, *imprimo* — выдавливаю, вытискиваю. — Когда вмѣсто начертанія малаго креста на челѣ вошло въ обычай полагать большой крестъ на челѣ — груди — плечахъ, сказать не можемъ. Но если писатели даже второй половины XII вѣка употребляютъ объ изображеніи креста выраженіе: „полагать печать Христову на челѣ“ (см. ниже слова Θεορίαν), то въ словахъ этихъ должно видѣть простую, такъ сказать, археологическую истинность, ибо отъ конца XI — начала XII вѣка имѣемъ ясное свидѣтельство объ употребленіи большого креста, разумѣемъ обличіе латинскаго способа полагать на себѣ крестъ въ статьѣ *Περὶ τῶν Φραγγῶν καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων*, — О фрягъхъ и о прочихъ латинѣхъ (статьей еще не пользуется нашъ митр. Георгій, упоминаемый подъ 1072 и 1073 годами и уже пользуется ею нашъ митр. Никифоръ I, занимавшій кафедру съ 1103 по 1123 годъ, см. моей Исторіи русской церкви т. I, полов. 2, стр. 712; статья въ греческомъ подлинникѣ съ древнимъ славянскимъ переводомъ у А. Попова въ Историко-литературномъ обзорѣ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 58). Преп. Θεόδωρὸς Студитὴς въ сейчасъ

зоменъ, Григорій Двоесловъ, Иоаннъ Мосхъ и Андрей Критскій; о начертаніи креста перстами говоритъ Кириллъ Иерусалимскій ¹⁾. Подъ однимъ перстомъ, которымъ былъ начертываемъ крестъ, должно разумѣть или указательный перстъ, или — что вѣроятнѣе, — преимущественнымъ образомъ указательный, а отчасти такъ называемый палець (крайній перстъ большой, противоположный мизинцу), т. е. понимать дѣло такъ, что главнымъ образомъ крестъ былъ начертываемъ указательнымъ перстомъ, но отчасти (иногда, иными) пальцемъ. При начертаніи креста однимъ перстомъ можетъ быть съ удобностію употребляемъ какъ таковой одинъ перстъ только или указательный или палець, слѣдовательно — и могутъ быть разумѣемы или одинъ которыйнибудь изъ нихъ, или же одновременно тотъ и другой. Такъ какъ начертаніе креста указательнымъ перстомъ гораздо

ниже приводимыхъ словахъ какъ будто даетъ знать, что уже въ его время, т. е. въ послѣдней четверти VIII — первой четверти IX вѣка, началъ входить въ употребленіе большой крестъ; то же какъ будто дается знать въ дѣяніяхъ константинопольскаго собора 879—80 г., бывшаго въ храмѣ св. Софіи (греки укоряли на соборѣ латинянь, что они *ἐπὶ τοῦ χαρακτῆροῦ τοῦ σταυροῦ ἀρχοῦσι ἀπὸ τοῦ ἀριστέρου μέρους*, въ изображеніи креста начинаютъ отъ лѣвой стороны, см. у *Свищера* въ *Thesaurus*ʼ подъ сл. *σταυρός*, col. 1011); однако константинопольскій патріархъ Алексѣй въ своемъ уставѣ, написанномъ въ 1034 г., какъ будто говоритъ еще о двухъ отдѣльныхъ крестахъ на челѣ и на персяхъ, см. нашей Исторіи русской церкви т. I, полов. 2, стр. 513 прим. (Пока существовало начертаніе креста на челѣ, весьма обычно было, чтобы вмѣстѣ съ этимъ крестомъ былъ начертываемъ крестъ на груди, какъ представляющей собою сѣдалище человѣческихъ вождельнѣй: весьма вѣроятно поэтому думать, что отъ малаго креста перешли къ большому съ тою мыслію или по тому побужденію, чтобы, вмѣсто начертанія двухъ отдѣльныхъ крестовъ на челѣ и на груди, заразъ ограждать ихъ однимъ крестомъ).

¹⁾ Всѣ свидѣтельства, за исключеніемъ принадлежащаго Андрею Критскому, указаны и приведены у *преосв. Макарія* въ Исторіи, — т. VIII, стр. 101. Андрей Критскій говоритъ о начертаніи креста перстомъ въ похвальномъ словѣ преп. Патапію, именно — въ разсказѣ о чудѣ исцѣленія пренедобнымъ одного бѣсноватаго юноши: Патапію исцѣлилъ бѣсноватаго тѣмъ, что перстомъ начерталъ надъ нимъ въ воздухѣ крестъ; когда исцѣленный припалъ къ его ногамъ, онъ начерталъ перстомъ знаменіе креста на его челѣ, — Патрол. *Миня* т. 97, col. 1228 (Снимки съ древнихъ памятниковъ скульптуры, на которыхъ Спаситель представленъ начертывающимъ крестъ однимъ указательнымъ перстомъ, см. у *Мартини* въ *Dictionnaire des antiquités chrétiennes*, pp. 64, 97 и 497).

удобнѣе, чѣмъ пальцемъ: то съ вѣроятностію и долженъ быть разумѣемъ преимущественно онъ. Но что и пальцемъ могъ быть начертываемъ крестъ у грековъ, представляется не невѣроятнымъ думать это на основаніи существующихъ свидѣтельствъ о начертаніи имъ креста не у грековъ ¹⁾. Какіе и сколько персты разумѣтъ Кириллъ Іерусалимскій, говоря о начертаніи креста перстами, а не перстомъ, остается неизвѣстнымъ. Но чтобы онъ разумѣлъ наши теперешніе три перста, какъ хочетъ предполагать преосв. Макарій ²⁾, это весьма мало вѣроятно: опредѣленное перстосложеніе, съ усвоеннымъ ему символическимъ значеніемъ, для второй и третьей четвертей IV вѣка, когда жилъ Кириллъ Іерусалимскій († въ 385 или въ 386 г.), слишкомъ рановременно и если бы явилось уже въ его время, то не было бы причинъ исчезнуть ему послѣ него, тогда какъ всѣ позднѣйшія извѣстныя свидѣтельства, каковы всѣ указанные выше, говорятъ объ единоперстїи (и между ними свидѣтельство Іоанна Мосха говоритъ объ единоперстїи именно въ Іерусалимской церкви). Гораздо вѣроятнѣе разумѣтъ у Кирилла Іерусалимскаго всѣ пять перстовъ или то пяти-

1) Что латиняне начертывали крестъ пальцемъ, видно изъ того, что они, сохранивъ до настоящаго времени древній малый крестъ при позднѣйшемъ больномъ, и до сихъ поръ начертываютъ его пальцемъ (латиняне крестятся не однимъ крестомъ, — позднѣйшимъ большимъ, какъ мы православные, а двумя крестами, — позднѣйшимъ большимъ и вмѣстѣ древнимъ малымъ; это дѣлается такъ, что, положивъ на себѣ большой крестъ, они въ слѣдъ за тѣмъ начертываютъ на себѣ и малый крестъ; первый крестъ полагается всеми пятью перстами, собранными въ искрѣпкую горсть, второй крестъ начертывается пальцемъ. Этотъ именно двойной крестъ разумѣется въ статьѣ „О фрязѣхъ и о прочихъ латинѣхъ“, когда въ ней говорится, что латиняне „нягъбу переть страшноу пѣкако (*placitas p̄os*) благословляютъ (*hanc̄ crucem̄ signant*) и послѣди пальцемъ лице прекрещаваютъ“). Латинскіе епископы и священники если не благословляютъ, а начертываютъ на комъ или на чемъ нибудь крестъ (на крещаемыхъ младенцахъ или на всѣхъ присутствующихъ въ церкви за богослуженіемъ въ извѣстные дни года, на стѣнахъ церкви при ихъ освященїи, на престолахъ при совершенїи каждаго богослуженїя, то и до сихъ поръ начертываютъ его пальцемъ. Свидѣтельства, что начертаніе креста пальцемъ было (если не остается и до сихъ поръ) въ употребленїи у Несторїанъ и Контровъ, см. у *Морини* въ *De sacris ordinationibus*, Pars II, ed. Antverp., 1685, pp. 386, 399, 444 и 446.

2) *Ibid* VIII, 102 нач.

перстїе, иначе всеперстїе, которое у латинянъ сохранилось отъ древняго времени по позднѣйшаго ¹⁾). Будучи предстоятелемъ Иерусалимской церкви, св. Кириллъ, конечно, говоритъ о перстосложенїи, которое было при немъ господствующимъ въ этой церкви; а слѣдовательно - и изъ единственнаго, принадлежащаго ему, свидѣтельства о многоперстїи выводъ есть тотъ, что въ продолженіе нѣкотораго времени это многоперстїе, подъ которымъ съ вѣроятностію должно разумѣть пятиперстїе или всеперстїе, было господствующимъ на Востокѣ въ цѣлой частной церкви.

Позднѣйшее извѣстное въ настоящее время свидѣтельство объ единоперстїи принадлежитъ Андрею Критскому, который скончался въ первой четверти VIII вѣка. Черезъ столѣтіе послѣ него у преп. Θεοδора Студита находимъ указаніе, что въ продолженіе этого столѣтія вмѣсто единоперстїя явилось опредѣленное нѣскольккоперстїе. Въ одной изъ своихъ эпиграммъ или стихотворныхъ надписей къ кресту онъ говоритъ отъ самаго креста: „Кто изображаетъ меня (на себѣ) и какъ нибудь только однимъ перстомъ, тотчасъ обращаетъ въ бѣгство враждебнаго демона“ ²⁾). Если при Θεοдорѣ Студитѣ изображеніе креста однимъ перстомъ было какимъ нибудь, то ясно, что изображеніемъ не какимъ нибудь, а настоящимъ и истовымъ, принятымъ, было изображеніе извѣстными нѣсколькими перстами. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Θεοдоръ Студитъ даетъ знать въ своихъ словахъ, что съ появленіемъ нѣскольккоперстїя единоперстїе въ его время еще не выходило совѣтъ изъ употребленія.

1) Преев. Макарій хочетъ разумѣть у Кирилла Иерусалимскаго наше теперешнее троеперстїе на томъ основанїи, что по современному свидѣтельству преп. Ефрема Сирина крестное знаменіе совершалось тогда во имя Св. Троицы. Но имѣемъ свидѣтельства, что при начертанїи креста иновѣданіе Троицы выражалось тогда чрезъ утросеніе самаго крестнаго знаменія. у самого преев. Макарія слова Іоанна Мосха, затѣмъ см. у *Гретзера* Том. I, lib. IV, pp. 376 col. 1 и 391 col. 1 (*vitale signum in sacro numero Trinitatis pressit in frontibus*, — слова въ житїи Антонїя Великаго, принадлежащемъ Аѳанасію Великому) и у *Дюканжа* въ *Glossarium* Graccitatis подъ сл. *σφραγίζειν* (у Іоанна Мосха есть и другое свидѣтельство о троекратномъ начертанїи креста, кромѣ приводимаго преев. Макаріемъ, -- Лука гл. 3).

2) *Τυπῶν μὲν τις καὶ μόνον ἕμρον* (читаемъ: *εἴ που*) *δατέλω, εὐθὺς τὸν ἐξθραίνοντα δαίμονα στρίφει*, — въ Патрол. *Μηνια* t. 99, col. 1796, n. 57.

Съ конца IX вѣка начинаются свидѣтельства, изъ которыхъ мы положительно узнаемъ, что такое было нѣсколькочерстіе, которое явилось за то или другое время до Θεодора Студита, именно — узнаемъ, что это было двоечерстіе. Давно извѣстно свидѣтельство о двоечерстіи, принадлежащее Петру Дамаскину и относящееся къ половинѣ XII вѣка. Пресв. Филаретъ указалъ свидѣтельство несторіанскаго митрополита Іліи Гевери, относящееся къ концу IX вѣка. Г. Кантеревъ недавно указалъ свидѣтельство извѣстнаго іаковитскаго писателя второй половины XIII вѣка Григорія Абулфараджа или Bar-Hebraeus'a, относящееся къ первой половинѣ XI вѣка, т. е. говорящее объ этой первой половинѣ XI вѣка. Всѣ указанныя свидѣтельства можно было бы понимать такъ, что онѣ говорятъ о господствѣ двоечерстія на одномъ Востокѣ — въ Сиріи и что относительно Запада — Константинополя съ его патріархатомъ онѣ не лишаютъ насъ права предполагать другое ¹⁾. Но есть и еще свидѣтельство, которое уже не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ Константинополѣ было употребляемо двоечерстіе или, иначе сказать, что оно было повсюднымъ и общимъ у грековъ. Въ 1170 г. константинопольскій императоръ Мануиль Комнинъ предпринялъ церковныя сношенія съ Армянами въ надеждѣ примирить ихъ съ православіемъ ²⁾. Къ Армянамъ былъ посланъ императоромъ для богословскихъ собесѣдованій съ ними одинъ изъ ученыхъ константинопольскихъ, по имени Θεоріанъ. Этотъ Θεоріанъ описалъ два свои собесѣдованія съ Армянами, и въ описаніи одного изъ собесѣдованій мы и находимъ у него свидѣтельство, что въ его время въ Константинополѣ было употребляемо двоечерстіе. Въ описаніи 2-го собесѣдованія онъ говоритъ, что подъ конецъ рѣчей всталъ

1) Свидѣтельство Абулфараджа, что въ 1029 г. константинопольскій патріархъ требовалъ отъ Яковитовъ, чтобы они крестились не однимъ черстомъ, а двумя черстами, можно было бы понимать такъ, что патріархъ требовалъ отъ Яковитовъ, чтобы они крестились, какъ крестятся православные въ области ихъ жительства Сиріи (причемъ оставалась бы возможность предположенія, что въ Константинополѣ крестились иначе).

2) См. объ этихъ сношеніяхъ въ 5-й части Прибавл. къ твор. свв. отцевъ статью: „Сношеніе армянской церкви съ восточною православною въ XII вѣкѣ“.

одинъ сирскій священникъ ¹⁾ и сказалъ ему: „зачѣмъ вы изображаете крестъ двумя перстами? не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго, слѣдовательно — по вашему и два естества Христовы раздѣлены между собою?“ Далѣе Θεορίανъ передаетъ свой отвѣтъ священнику и въ отвѣтъ подтверждаетъ, что греки константинопольскіе, которыхъ онъ былъ представителемъ, дѣйствительно крестились двумя перстами, только, какъ бы шуткой желая отдѣлаться отъ вопроса, о чемъ самъ замѣчаетъ, говорить священнику, что у грековъ два перста означаютъ не два естества во Христѣ, а совсѣмъ другое ²⁾).

Побужденіемъ къ тому, чтобы вмѣсто единоперстія было

1) Участвовавшій въ преніяхъ какъ одинъ изъ представителей сирійскихъ Яковитовъ, родственныхъ съ Армянами по вѣрѣ.

2) Вотъ въ полномъ видѣ мѣсто у Θεορίана: *Τούτων οὕτω ρηθέντων, ἀναστάς ἰερῆς τις τῶν Σύρων εἶπε πρὸς τὸν Θεωριανόν· διὰ τί σφραγίζετι δακτύλους δυσίν; οὐκ εἰσὶν οἱ δάκτυλοι διαχωρισμένοι ἀνὰ μέρος; λοιπὸν καὶ αἱ δύο φύσεις τοῦ Χριστοῦ χωρισμένα εἰσὶ καθ' ὑμᾶς; Ὁ δε Θεωριανός, οἷον ἀστεϊζόμενος, εἶπεν· οὐ τὰς δύο φύσεις τοῦ Χριστοῦ σημαίνοντες οὕτω δρωμέν, ἀλλὰ τῆς τυραννίδος τοῦ διαβόλου ἀπαλλαγέντες ἐδιδάχθημεν παράταξιν ποιῆν κατ' ἐκείνου καὶ πόλεμον, ταῖς μὲν χερσὶν ἐργαζόμενοι δικαιοσύνην καὶ ἐλεημοσύνην καὶ τὰς λοιπὰς ἀρετὰς, ὅπερ ἐστὶν ἡ παράταξις, διὰ δὲ τῶν δακτύλων, τοῖς μετώποις ἐπιτιθέντες τὴν τοῦ Χριστοῦ σφραγίδα, συνιστάμεν τὸν πόλεμον καὶ οὗτο τοῦτον καταγωνιζόμεθα, καὶ μετὰ τοῦ Ἀβιδ' ἐδλογοῦμεν τὸν Κύριον, ἐδλογοῦντος Κύριος ὁ Θεὸς μου, λέγοντες ἐκαστος, ὁ διδάσκων τὰς χεῖράς μου εἰς παράταξιν καὶ τοὺς δακτύλους μου εἰς πόλεμον· οὐ τὸν δάκτυλον, ἀλλὰ τοὺς δακτύλους, т. е. когда это (предшествующее) такъ было сказано, всталъ одинъ сирскій священникъ и сказалъ Θεορίану: для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно — по вашему раздѣлены (между собою) и два естества Христовы (мысль та, что если признавать два отдѣльные естества, не содѣлавшіяся единымъ естествомъ, какъ учили Армяне, то нужно будто бы признавать и два лица, а это будетъ несторіанство). Но Θεορίанъ, какъ бы прибѣгая къ шуткѣ (отдѣлываясь шуткой), сказалъ: не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы, но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе (уготованіе) и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели и это есть ополченіе (уготованіе), а перстами, полагая на челѣ печать Христову, мы составляемъ брань, и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословяемъ Господь Богъ мой, научаяй руки мои на ополченіе и персты моя на брань* (Ис. 143, 1) — не персть (т. е. не одинъ персть, какъ у васъ — Армянь) но персты, — у *Миня* въ Патрол., т. 133 col. 296 sub fin.*

усвоено двосперстіе, должно быть считаемо желаніе выразить нагляднымъ образомъ исповѣданіе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ въ противоположность монофизитамъ, для которыхъ одинъ перстъ сдѣлался символомъ ихъ ученія объ одномъ естествѣ Иисуса Христа ¹⁾.

Не невозможно, что то двосперстіе, которое было принято, т. е. состоявшее въ протяженіи указательнаго и большаго середняго перстѣвъ, было замѣнено отъ иконографіи или представляло собою воспроизведеніе двосперстія, съ которымъ Спаситель и свитые изображались на иконахъ. Но самое это иконографическое двосперстіе, которое мы находимъ на иконахъ съ самаго перваго времени ихъ появленія и несравненно ранѣе, нежели начало быть употребляемо двосперстіе для изображенія крестнаго знаменія, вовсе не означало собой этого послѣдняго двосперстія, о чемъ парочито скажемъ ниже.

Итакъ, въ продолженіе столѣтія съ начала VIII по начало IX вѣка первоначальное единосперстіе для изображенія крестнаго знаменія замѣнено было у грековъ двосперстіемъ.

Но и двосперстіе не было формою перстосложенія для крестнаго знаменія, при которой греки остались бы затѣмъ навсегда. Въ продолженіе столѣтія, обнимающаго послѣднюю четверть XII и три первыя четверти XIII вѣка вмѣсто двосперстія у нихъ вошло въ употребленіе тросперстіе, и только уже это послѣднее стало ихъ окончательнымъ перстосложеніемъ. Второе собесѣдованіе Феодіана съ Армянами, въ описаніи котораго читается свидѣтельство о господствѣ или употребленіи при немъ въ Константинополѣ двосперстія, имѣло мѣсто въ 1172 г.; но въ извѣстномъ такъ на-

¹⁾ Петръ Дамаскинъ говоритъ „два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Иисуса Христа, во двою естеству, а во единомъ составѣ познаваема“. Объ единосперстіи Яковитовъ говоритъ Димитрій, митрополитъ кизическій, что они придумали знаменовать лицо однимъ перстомъ, *ὡς τῆν μίαν ἐν Χριστῷ φύσιν προσβύβουσι*, т. е. чтобы проповѣдывать единое естество во Христѣ, см. у *Свищери* въ *Thesaurus ecclesiast.* подъ сл. *σταυρός*, II, 1010; объ единосперстіи Армянъ говоритъ одинъ неизвѣстный писатель, что они начерчиваютъ на лицѣ крестъ однимъ перстомъ, *ὡς ἐν γὰρ τούτῳ μίαν φύσιν τοῦ σταυρωθέντος σημάτωσι*, т. е. что бы хотя сямъ означить (провозвѣщать) единое естество Распятаго, см. въ сочиненіи *И. Троицкаго* „Изложеніе вѣры церкви армянекія“, Спб., 1875, стр. 193, прим.

звасомомъ Преніи панагіота съ азимитомъ, которое написано послѣ 1274 и до 1282 года, мы находимъ свидѣтельство, что въ данное время господствовало въ Константинополѣ или было тамъ въ употребленіи уже не двоеперстіе, а тросперстіе ¹⁾.

Что было причиною замѣны у грековъ двоеперстія тросперстіемъ, относительно этого мы не имѣемъ ни указаній, ни намесковъ. Но необходимо думать, что причиною былъ

¹⁾ Обстоятельныя рѣчи о Преніи и оно само у *А. Попова* въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 238 sqq. Преніе представляетъ собою не какое нибудь серьезное и авторитетное сочиненіе, а анонимную сатиру на латинянъ и отчасти на импер. Михаила Палеолога, который вступилъ въ церковный союзъ съ послѣдними, принадлежащую своеобразному мудрецу изъ народа (сатиру лубочнаго, такъ сказать, характера). Но это несколько не мѣшаетъ тому, чтобы свидѣтельство Пренія о перстосложеніи для крестнаго знаменія было принимаемо за вполне достовѣрное свидѣтельство (ибо въ нашемъ случаѣ и несерьезный авторъ, такъ же какъ серьезный, могъ говорить только о томъ, что было у грековъ въ дѣйствительности, т. е., хотимъ мы сказать, въ нашемъ случаѣ серьезность или несерьезность автора не имѣетъ значенія). Латиняне несправедливо укоряются въ Преніи, будто слагалось крестъ двумя перстами. Эту несправедливую укоризну можно понимать такъ, что авторъ хочетъ навязывать латинянамъ перстосложеніе, которое отчасти оставалось еще у самихъ грековъ и которое было считаемо уже за неправильное. — Тросперстіе есть и въ западной церкви, въ которой оно въ настоящее время употребляется для благословенія, а въ древнее время употреблялось и для крестнаго знаменія. Когда именно явилось оно на Западѣ, сказать не можемъ; первое извѣстное намъ упоминаніе о немъ относится къ первой половинѣ XII вѣка, см. сочиненіе Гонорія Августодунскаго (Отѣнскаго), который жилъ въ этой первой половинѣ XII вѣка, *Gemma animae*, lib. I, cap. LVII, въ Патрол. *Мина* t. 172, col. 560 (послѣ Гонорія Августодунскаго говорятъ о тросперстіи пана Иннокентій III, занимавшій престолъ съ 1198 по 1216 годъ, въ сочиненіи *De sacro altaris mysterio* (*De sacrificio missae*), lib. II, cap. XLV, въ Патрол. *Мина* t. 217, col. 825, и современный Иннокентію епископъ кремонскій Сикардъ, въ сочиненіи *Mitræ seu de officiis ecclesiasticis summa*, lib. III, cap. IV, въ Патрол. *Мина* t. 213, col. 109 fin.). Но восточное тросперстіе, отличное отъ западнаго и по своей формѣ (объ этой формѣ западнаго тросперстія см. ниже), не есть его воспроизведеніе, а явилось независимо отъ него (спустя много времени по раздѣленіи церквей) и представляетъ собою рядовой обычай Востока самостоятельный (латинское тросперстіе по своей формѣ талова, что можетъ быть принимаемо и за двоеперстіе; а поэтому укоризну латинянъ въ Преніи, что они крестятся двумя перстами, можно понимать еще и такъ, что латинское тросперстіе принималось греками за двоеперстіе).

расширенный символизмъ перстовъ. Замѣняя первоначальное единоперстіе двоеперстіемъ, греки хотѣли выражать двумя перстами православное ученіе о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ вопреки монофизитамъ, которые съ однимъ перстомъ начали соединять свое еретическое ученіе объ одномъ ествѣ въ Иисусѣ Христѣ; но при этомъ остальнымъ тремъ перстамъ не было придаваемо никакого значенія. Съ теченіемъ же времени и остальнымъ тремъ перстамъ было придано символическое значеніе, именно — значеніе трехъ лицъ св. Троицы ¹⁾. Когда это послѣднее случилось, то и могли найти, что три перста въ сложеніи двоеперстномъ недостаточно удовлетворительнымъ образомъ выражаютъ св. Троицу, а поэтому и замѣнили двоеперстіе троеперстіемъ. Наши старообрядцы въ своемъ двуперстіи слагаютъ три послѣдніе перста такъ, что палець упираетъ своей пушкой въ пушки малаго середняго перста и мизинца; но это сложеніе трехъ перстовъ, очевидно, есть искусственное, имѣющее въ виду достигнуть той цѣли, чтобы перстами по возможности удовлетворительно выражалось равенство и единство лицъ св. Троицы. Пока же тремъ перстамъ не было придаваемо символическаго значенія, они, конечно, должны были полагаться или располагаться естественно (какъ это имъ удобно); естественное же положеніе или расположеніе ихъ есть то, чтобы малый середній перстъ и мизинець были пригнуты къ ладони (не плотно), а палець былъ положенъ на нихъ, и необходимо думать, что въ такомъ именно видѣ они и были располагаемы въ древнемъ двуперстномъ сложеніи. Когда усвоено было тремъ перстамъ символическое значеніе лицъ св. Троицы, то и могло быть найдено, что сейчасъ указаннымъ расположеніемъ ихъ неудовлетворительно изображается равенство и единство лицъ св. Троицы, а поэтому, вмѣсто двоеперстія и могло быть принято троеперстіе, въ которомъ указанный недостатокъ совершенно уstra-

¹⁾ Какъ это видно изъ сдѣланной въ XII вѣкѣ приписки въ статьѣ „О фрязѣхъ и о прочихъ латинѣхъ“, къ пункту, обличающему пятиперстіе латинянъ, которая читается: „должно располагать персты въ знаменованіяхъ такимъ образомъ, чтобы ими означались два естества во Христѣ и три лица (Св. Троицы), какъ показалъ Христосъ, когда, возносясь на небо, благословилъ учениковъ поднятыми руками“, — у преосв. *Макарія* въ Ист., VIII, 110 (Патрол. *Миня* t. 140 col. 542 fin.).

няется. Цѣль могла быть достигнута двумя путями: или принятіемъ троеперстія вмѣсто двоеперстія, или же поправкою въ самомъ двоеперстіи, именно — расположеніемъ въ немъ трехъ перстовъ такъ, какъ они расположены въ позднѣйшемъ нашемъ двоеперстіи и какъ они располагаются въ нынѣшнемъ двоеперстіи старообрядцевъ (т. е. чтобы палець упирался своей пушкой въ пушки малаго середняго перста и мизинца). Не было сдѣлано этого послѣдняго, какъ должно думать, потому, что сейчасъ указанное расположение перстовъ, какъ мы сказали, есть не натуральное (насильственное) и затруднительное, — что при этомъ ихъ расположеніи очень не удобно (не ловко) полагать на себѣ крестное знаменіе. Что же касается до троеперстія, то мысль усвоить его, послѣ того какъ съ измѣненіемъ взгляда на персты (съ приданіемъ символическаго значенія и тремъ перстамъ) оказалось неудовлетворительнымъ двоеперстіе, должна была явиться, такъ сказать, сама собой. Сложите персты двоеперстно по древнему (т. е. чтобы палець лежалъ на маломъ среднемъ перстѣ) и полагайте на себѣ крестъ: протянутые персты указательный и большой середній нѣсколько нагнутся, палець подопретъ ихъ и само собою образуется троеперстіе ¹⁾).

Итакъ, въ продолженіе столѣтія съ послѣдней четверти XII вѣка по третью четверть XIII вѣка вмѣсто двосперстія у грековъ вошло въ употребленіе троеперстіе, которое и осталось у нихъ навсегда ²⁾).

Мы - русскіе заимствовали отъ грековъ христіанство въ то время, какъ у нихъ было въ употребленіи двосперстіе. Само собою понятно, что вмѣстѣ съ христіанствомъ мы усвоили себѣ отъ нихъ это двоеперстіе, а не какое нибудь другое перстосложеніе. Когда у грековъ вмѣсто двоеперстія вошло въ употребленіе троеперстіе, это послѣднее

¹⁾ Можетъ быть, что образцомъ для троеперстія послужило и діаконское держаніе ораря тремя перстами, сѣгъ въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу продолженіе 9-й бесѣды о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія, § 13.

²⁾ Когда православные вмѣсто сдипоперстія усвоили двоеперстіе, ихъ примѣру послѣдовали Несторіане. Можетъ быть, что и желаніе имѣть особое отъ Несторіанъ перстосложеніе отчасти содѣйствовало принятію троеперстія вмѣсто двоеперстія.

начало распространяться и у насъ, чтобы замѣнить собою первое. Но у насъ не случилось того, чтобы замѣна дѣйствительно произошла или дѣйствительно имѣла мѣсто. Напротивъ, у насъ двоеперстіе вступило въ борьбу съ троеперстіемъ и борьба кончилась тѣмъ, что перстосложене, оставленное греками, одержало побѣду надъ перстосложениемъ, которое было ими принято.

Какъ въ Греціи троеперстіе не было введено вмѣсто двоеперстія путемъ формальнаго законодательства или прямыхъ предписаній со стороны церковной власти, а вошло путемъ обычая; такъ и у насъ оно имѣло водворяться на мѣсто двоеперстія не первымъ, а вторымъ путемъ. Но противъ того, что прямо не санкціонировано церковною властію, а входитъ въ употребленіе путемъ обычая, пока оно не приобрѣтетъ авторитета обязательности чрезъ всеобщее признаніе и пока отъ долговременности не станетъ ненарушимымъ преданіемъ, возможны возраженія и протесты. Эти возраженія и протесты были подняты противъ троеперстія и въ Греціи, когда оно тамъ вводилось или входило на мѣсто двоеперстія. Позднѣйшіе, XII столѣтія, греки начали принимать двоеперстіе, употреблявшееся въ крестномъ знаменіи, за то двоеперстіе, съ которымъ Иисусъ Христосъ изображался на иконахъ и которое будто употреблялъ Онъ Самъ ¹⁾. Но мнимый примѣръ Самого Иисуса Христа былъ слишкомъ обязательнымъ, чтобы люди, смотрѣвшіе у грековъ сейчасъ указаннымъ образомъ на дѣло, вовсе не захотѣли и не попытались возвысить въ его защиту своего голоса. И они дѣйствительно возвысили свой голосъ такимъ образомъ, что произнесли проклятіе на тѣхъ, которые не крестятся двумя перстами, какъ крестился, по ихъ мнѣнію, Христосъ; наше знаменитое: „аще кто не знаменается (не крестить) двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ“ представляетъ собою именно этотъ протестъ противъ троеперстія, заявленный въ Греціи защитниками двоеперстія ²⁾. Выраженный въ столь грозной

¹⁾ Въ приведенной выше пріпискѣ XII в. къ статьѣ „О фразѣхъ“ слова: „какъ показалъ Христосъ, когда возносясь на небо, благословилъ учениковъ“, очевидно, значать: какъ (какими перстами) благословляющимъ изображается Христосъ на иконахъ.

²⁾ Мы считаемъ за вѣроятнѣйшее думать, что наше „аще кто не зна-

формѣ протестъ никого не смутилъ у грековъ и остался у нихъ безъ всякаго дѣйствія. Но перенесенный отъ грековъ къ намъ онъ приобрѣлъ у насъ двоенерстію горячихъ сторонниковъ. Проклятiе указываетъ на примѣръ Христа; для повѣрки смотрѣли на иконы Спасителя, и на иконахъ дѣйствительно находили, что Спаситель изображается на нихъ съ перстосложеніемъ двуперстнымъ. На самомъ дѣлѣ было, что если Спаситель изображался на иконахъ съ перстосложеніемъ двуперстнымъ, то перстосложеніе это не было перстосложеніемъ для благословенія, а имѣло другое значеніе (о чемъ ниже), а если изображался съ перстосложеніемъ для благословенія, то перстосложеніе не было двуперстнымъ, а лишь настолько похожимъ на него, чтобы быть за него принимаемымъ (о чемъ также ниже). Но у насъ, не обладавъ надлежащимъ знаніемъ дѣла, двуперстное сложеніе на иконахъ Спасителя принимали за перстосложеніе для благословенія и перстосложеніе для благословенія только похожее по виду на двуперстное принимали за это послѣднее. А такимъ образомъ, мнимое свидѣтельство иконъ Спасителя въ пользу двоенерстія и придавало у насъ проклятiю значеніе голоса истинны, чтобы приобрести двоенерстію горячихъ защитниковъ. Но люди, ставшіе защитниками двоенерстія, не остановились на томъ, что дѣйствительно принимали за истину. Человѣческая исторія полна примѣрами, какъ желающіе защитить и отстоять то, что принимается ими за истину, несколько не затрудняются прибѣгать ко лжи. Такъ было и въ нашемъ случаѣ. Къ проклятiю на некрестящихся двумя перстами сочинено было новое свидѣтельство въ пользу двоенерстія чрезъ извѣстную передѣлку сказанія о Мелетіи Антиохійскомъ ¹⁾. Люди, усвоив-

менася“. . . дѣйствительно есть переводъ греческаго: *ἐν τῷ οὐκ σφραγίσεται μετὰ δύο δάκτυλα, ὡς καὶ Χριστός, καὶ εἶναι ἀφορισμένος*, какъ указалъ Андрей Денсовъ въ Поморскихъ отвѣтахъ. Не *εἶναι* несколько не будетъ языкомъ новымъ для грека XII—XIII вѣка, притомъ для грека малообразованнаго, каковаго дастъ видѣть въ себѣ челоуѣкъ, произносящій проклятiе на некрестящихся двумя перстами (а въ числѣ „Аще кто въ ереси бывъ“, проклятiе внесено у насъ послѣ).

¹⁾ Въ подлинникѣ читалось: „Показа три персты..., потому тва совокупъ, а единъ протягнувъ“ (какъ это и читается въ нѣкоторыхъ Прологахъ, въ которыхъ мѣсто сохранилось безъ передѣлки, — преев. *Макарія* Ист., VIII, 118), т. е. показавъ три перста, а потому два пригнувъ, ка-

шіе отъ грековъ общепринятое у нихъ троенерстіе, написали было отъ себя наставленіе о сложеніи трехъ перстовъ (такъ называемое Θεодоритово слово), но защитники двоеперстія, пользуясь несовершенною опредѣленностію наставленія, поспѣшили и его обратить въ свою пользу ¹⁾. Сверхъ этихъ трехъ свидѣтельствъ въ пользу двоеперстія существовало еще четвертое — Петра Дамаскина, относительно котораго предки наши, конечно, не знали, что оно представляло изъ себя свидѣтельство только археологическое, говорившее уже о прошломъ времени.

Такимъ образомъ, въ пользу двоеперстія у насъ явилось цѣлыхъ четыре свидѣтельства и во главѣ ихъ грозное про-

ковой смыслъ имѣеть слово „совокупль“ (греческ. *συνακουῶν* — сведши, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у насъ употребляется выраженіе: „свелъ пальцы“), а одинъ протянулъ. Защитники двоеперстія переправили „протянуть“ въ „пригнуть“ и слово „совокупль“ получило тотъ смыслъ, что два перста оставилъ протянутыми.

¹⁾ Что такъ называемое Θεодоритово слово (можетъ быть — дѣйствительно принадлежащее какому нибудь русскому Θεодориту, а по всей вѣроятности окрещенное именемъ блаженнаго Θεодорита однимъ изъ его первыхъ переписчиковъ на томъ основаніи, что взято было имъ или изъ рукописи, содержащей творенія бл. Θεодорита (толкованіе на псалтирь), или изъ рукописи, въ которой читалось въ слѣдъ за выписками изъ бл. Θεодорита) первоначально написано въ защиту троенерстія, это не можетъ подлежать сомнѣнію. „Три персты равны имѣти вкупѣ..., два перста имѣти наклонена, а не простерта..., согбеніе персту толкуется“... Когда говорится о трехъ перстахъ безъ прямого или нарочитаго указанія — какихъ именно, то само собою разумѣются три первые перста; согбеніе перстовъ („персту“ — двойственное число) имѣеть мѣсто въ троеперстномъ сложеніи, и имѣеть его въ двуперстномъ. Мысль слова есть та, что сложеніемъ трехъ первыхъ перстовъ хорошо (подразумѣвается, гораздо лучше, чѣмъ въ двоеперстіи) выражается единство трехъ лицъ Св. Троицы и ихъ равенство, а пригнутіемъ двухъ перстовъ хорошо выражается тайва сошествія Иисуса Христа на землю (редакторъ дѣяній Стоглаваго собора, находил несообразнымъ въ приложеніи къ двоеперстію: „согбеніе“, дѣйствительно, употребляетъ вмѣсто него „гбснїе“, при чемъ разумѣеть легкое наклоненіе двухъ протянутыхъ перстовъ, — гл. 31 fin.). Если Θεодоритово слово заповѣдуетъ не только креститься двумя перстами, но и благословлять, то это значить, что авторъ его, какъ нѣкоторые и въ Греціи, неправильно думалъ, будто должно употреблять одно и то же перстосложеніе и для крестнаго знаменія и для благословенія (см. приведенную выше приписку къ статьѣ „О фразѣхъ и о прочихъ латинѣхъ“). Когда слово повелѣваетъ „два перста имѣти ваклонена, а не простерта“, то имѣеть въ виду употребленіе такого троенерстія, въ которомъ два послѣдніе перста не при-

клятiе на крестящихся недвоеперстно, а въ пользу троеперстія по передѣлкѣ слова Θεодоритова не было ни одного свидѣтельства. Естественно, что при устахъ болѣе чѣмъ трехъ свидѣтелей въ пользу двоеперстія и при совершенномъ отсутствіи свидѣтелей въ пользу троеперстія, споръ между двумя перстосложеніями былъ рѣшонъ у насъ въ пользу перваго. По старымъ взглядамъ нашимъ на обычаи церковные, о чемъ нарочито говорили мы выше, рѣшеніе спора о двухъ перстосложеніяхъ имѣло для предковъ нашихъ тотъ смыслъ, что двоеперстіе есть перстосложеніе единственно истинное и единственно православное, а что троеперстіе есть еретическая новизна. Видя эту мнимо-еретическую новизну господствующую у грековъ, предки наши рѣшили, что позднѣйшіе греки заимствовали ее отъ латинянъ ¹⁾. Когда окончательно составилось у насъ сейчасъ указанное мнѣніе о двоеперстіи и троеперстіи и когда оно было принято у насъ самими представителями церковной

гибались, а протягивались (какъ въ двоеперстіи два первые): изображеніе такого троеперстія, взятое съ одного греческаго памятника, см. у *митр. Григорія* въ „Истинно древней и истинно православной Христовой церкви“, ч. II, 2-го изд. стр. 131, послѣднее изображеніе (Относительно усвоенія статьи бл. Θεодориту не невѣроятно думать, еще слѣдующее: первоначально статья явилась безыменной, но потомъ, когда была переправлена на двоеперстіе, она была усвоена бл. Θεодориту потому, что у послѣдняго въ толкованіи псалтири между прочимъ говорится о крестѣ, что онъ „отъ двою палиць составляется“, при чемъ разумѣемое толкователемъ о крестѣ вещественномъ, что онъ слагается изъ двухъ дровъ (палиць, палица) у насъ понятно было о крестѣ, который полагается челоуѣкомъ на себѣ, что онъ изображается двумя пальцами (палиць превращено было въ противуграмматическое палиць).

1) Какъ латиняне крестились и крестятся, это мы указывали выше. Что касается до благословенія, то оно совершалось и совершается у нихъ посредствомъ троеперстія, но троеперстія не нашего православнаго, а своего особаго: два послѣдніе перста пригибаются къ ладони, а три первые протягиваются, и именно — или всѣ три раздѣльно, или большой перстъ и указательный сжимаются вмѣстѣ, а отдѣльно (оттопырясь) одинъ палець. Такъ какъ въ случаѣ прижатія пальца къ двумъ перстамъ это троеперстіе превращается въ двоеперстіе, то иногда оно и принимается за двоеперстіе и называется этимъ послѣднимъ именемъ. На такъ называемыхъ Кореунскихъ вратахъ новгородскаго Софійскаго собора благословляющія руки латинскихъ епископовъ весьма отчетливо изображены съ нашимъ троеперстіемъ (принимаемымъ старообрядцами за свое двоеперстіе!).

власти, не можемъ сказать ¹⁾. Но этими представителями церковной власти двоеперстіе было предписано у насъ, въ качествѣ перстосложенія единственно истиннаго и православнаго, къ общему употребленію сначала въ лицѣ митр. Данила, а потомъ Стоглаваго собора ²⁾.

Итакъ, окончательно принятое у грековъ троеперстіе не входило у насъ въ общее употребленіе и въ концѣ концовъ было формальнымъ образомъ отвергнуто. Но представлять дѣло такимъ образомъ, будто до времени Никона оно совсѣмъ или почти что совсѣмъ оставалось у насъ неизвѣстнымъ, было бы совершенно неосновательно. Напротивъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, распространившись у насъ болѣе или менѣе въ значительной степени непосредственно послѣ своего утвержденія у грековъ, оно постоянно оставалось у насъ въ той же значительной степени распро-

1) Начало оно у насъ составляется, какъ указывали мы выше, — не позднѣе первой половины XV вѣка (а по увѣренію нѣкоторыхъ, уже въ XIV вѣкѣ начинаетъ являться въ русскіихъ Кормчихъ статья о двуперстіи вмѣстѣ съ проклятіемъ на не соблюдающихъ сего обряда, см. *Ил. Бѣльева*. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. или Стоглава, М. 1863, стр. 41).

2) Предполагать, будто митр. Даниилъ и Стоглавый соборъ не знали, какое перстосложеніе находится въ общемъ употребленіи у современныхъ имъ грековъ, было бы вовсе не основательно. Равнымъ образомъ, предполагать, что митрополитъ и соборъ предписывали двоеперстіе къ общему употребленію съ какимъ-то умысломъ, въ родѣ умысла приготовить расколъ, было бы въ высшей степени странно (митрополитъ и соборъ предписываютъ двоеперстіе къ общему употребленію потому, что, считая эту форму перстосложенія истинною и правильною, они желаютъ водворить у насъ относительно перстосложенія полное единообразіе). Другое дѣло — совершенно несправедливое мнѣніе митрополита и собора о поврежденности чистоты православія у современныхъ имъ грековъ. Если въ двухъ мѣсяцахъ Макарьевскихъ Миней, — Декабрѣ и Іюнь, Преніе панагіота написано безъ передѣлки чтенія о перстахъ: то нужно понимать это не такъ, будто до Стоглаваго собора Макарій самъ держался троеперстія, а такъ, что онъ приказывалъ писать памятки безъ передѣлокъ (замѣтимъ здѣсь кстати, что и въ Кирилловой книгѣ, гл. 26, Преніе напечатано съ сохраненіемъ подлиннаго чтенія о перстахъ). А если сокращеніе Пренія, помѣщенное въ Августѣ мѣсяцѣ, читается съ передѣлкою о перстахъ, то должно думать, что передѣлка иринадлежитъ не самому Макарію, который былъ чловѣкъ неспособный на передѣлки, а уже произведена ранѣе. Всѣ мѣсяцы Макарьевскихъ Миней Московскаго Успенскаго собора написаны послѣ Стоглаваго собора, ибо на всѣхъ мѣсяцахъ подпись 1553 года.

страненности вплоть до патр. Иосифа, причѣмъ вовсе не повели къ его исчезновенію у насъ и формальныя запрещенія на него со стороны митр. Данила и Стоглаваго собора. Заимствованное отъ грековъ проклятiе на некрестящихся двумя перстами необыкновенно часто встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ, будучи повторяемо въ нихъ и къ мѣсту и не къ мѣсту. Конечно, подвергаются его громамъ враги дѣйствительныя, а не воображаемыя (ибо иначе значило бы понапрасну бить проклятiемъ воздухъ); а если оно повторяется необыкновенно часто, то ясно дается этимъ знать, что количество враговъ было вовсе не такъ ничтожно, чтобы не стоило обращать на нихъ вниманія. Сказаніе о Мелетіи Антиохійскомъ передѣлано у насъ такъ, чтобы служило свидѣтельствомъ въ пользу двоеперстія, конечно, съ какою нибудь реальною цѣлію; но эта цѣль, очевидно, есть борьба съ троеперстниками ¹⁾. Если у насъ было написано наставленіе объ употребленіи въ крестномъ знаменіи троеперстія, каково такъ называемое Теодоритово слово, то конечно, были у насъ и люди, которые содержали это перстосложеніе. Преосв. Макарій нашель въ одномъ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ XV вѣка статью: „Како подобаетъ крестити (т. е. креститься) рукою“, написанную въ защиту двоеперстія ²⁾. Въ статьѣ этой прямо и ясно говорится о существованіи у насъ людей, которые держались троеперстія и защищали его; а если авторъ статьи говоритъ, что это были только „нѣщци“, т. е. немногіе, то извѣстно, что у людей, борющихся о мнѣніяхъ, служить обычнымъ пріемомъ представлять число защитниковъ противнаго мнѣнія только очень незначительнымъ. Бывшій Троицкій игуменъ Артемій отзывался между прочимъ о постановленіи Стоглаваго собора относительно крестнаго знаменія: „да и на соборѣ деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего“. Отзывъ этотъ, толкуемый такъ и сякъ, совершенно ясно и несомнительно значить то, что на соборѣ сдѣлано было предписаніе всѣмъ креститься единообразно двумя перстами, но что съ пред-

¹⁾ Поддѣланнымъ или передѣланнымъ сказаніе читается въ Прологахъ уже XIV в., — *преосв. Макар.* Ист. VIII, 118.

²⁾ *Ibid.* стр. 118, прим. 144.

писаніемъ вовсе не достигли цѣли, т. е. что употреблявшіе троеперстіе и послѣ предписанія собора остались при своемъ. Артемій держался того воззрѣнія, что совсѣмъ не нужно и не должно было дѣлать предписанія объ единообразномъ употребленіи перстосложенія, а представить каждому слагать персты, какъ хочетъ, потому что „нѣтъ деи въ томъ ничего“, т. е. что въ различномъ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія нѣтъ никакой важности ¹⁾, — „прежде деи сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ“, т. е. поелику въ разное время изображали на себѣ крестное знаменіе различно. Порицая соборъ за напрасное, по его мнѣнію, предписаніе, Артемій и указывалъ на то, что это напрасное предписаніе все равно не достигло цѣли. Такимъ образомъ, если Стоглавый соборъ съ своимъ предписаніемъ о двоеперстіи не успѣлъ достигнуть того, чтобы всѣ его приняли, то ясно, что были люди, державшіеся не двоеперстія, иначе — троеперстія; а если можно было примѣчать по наглядкѣ, смотря на сложеніе перстовъ молящимися (какъ примѣчалъ Артемій), что предписаніе собора не имѣло силы, то ясно, что державшихся троеперстія было очень не мало ²⁾. Положительное свидѣтельство, что послѣ Стоглаваго собора у насъ продолжало оставаться троеперстіе, содержится въ житіи преп. Александра Отевенскаго († 1479), которое написано монахомъ Александра монастыря Θεодосіемъ въ 1567 г. С писатель житія рассказываетъ въ заключеніе сего послѣдняго о бывшемъ ему видѣніи преп. Александра и говоритъ: „азъ же возбнувъ отъ

1) За такой взглядъ на различіе перстосложенія Артемій и осужденъ былъ какъ за „хулу о крестномъ знаменіи“.

2) Пресвященный Макарій хочетъ доказывать значительную распространенность у насъ троеперстія до Стоглаваго собора словами царя къ собору: „христіане крестятся не по существу“, — Ист. VIII, 125. Но подъ „не по существу“ должно разумѣть не неправильное сложеніе перстовъ, а неладное полаганіе на себѣ крестнаго знаменія (безсмысленное маханіе рукой по груди или положеніе перстовъ на груди и плечахъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуетъ, противъ чего у грековъ писалъ иподіаконъ Дамаскинъ въ извѣстномъ восьми словѣ и о чемъ у насъ Вассіанъ Косой выражается въ одномъ сочиненіи, что „крестное знаменіе на лицѣ не все полно крестили“). Это же должно разумѣть у старца Филовея и у другихъ, писавшихъ о крестномъ знаменіи до Стоглаваго собора.

видѣнія и никого же видѣ и наипаче начяхъ плакати и рыдати, понеже много пререковахъ святому; и увѣдѣ (древняя форма вмѣсто: увѣдѣхъ) бывшаа надъ собою, яко деснаа рука моя ослабѣ, длань же о замятіи согнуся, три же перста верхнихъ едва возмогахъ вмѣсто содвинуты, иже (вмѣсто: еже, — чтобы) на лицѣ своемъ крестное знаменіе вообразати, два же персти нижнихъ ко длани прикорчашася“¹⁾... Что и во времена Никона, послѣ усиленнѣйшихъ стараній, употребленныхъ въ патріаршество Іосифа ввести двоперстіе въ общее употребленіе²⁾, еще оставалось много людей, державшихся троеперстія, объ этомъ онъ свидѣтельствовалъ на соборѣ 1656 г. И что бы кто ни думалъ о Никонѣ, но допустить, чтобы онъ позволилъ себѣ не обвиняся лгать предъ лицомъ цѣлаго собора и — такъ какъ дѣяніе собора имѣло быть напечатано — предъ лицомъ всей русской земли, вовсе не представляется возможнымъ³⁾.

Сейчасъ выше мы представили исторію или судьбу троеперстія въ сѣверной, московской Руси. Троеперстіе болѣе или менѣе значительно распространилось здѣсь, но по осо-

1) Списковъ житія преп. Александра, написанныхъ до патр. Никона, когда бы могла быть сдѣлана поправка, известно нѣсколько (см. въ Описаніи рукописей бібліотеки Троицкой Сергіевой Лавры выписку нашего мѣста изъ житія по рукописи 1633 года, № 691, л. 196 и въ Описаніи рукописей Хлудова выписку по рукописи первой половины XVII вѣка, — № 198 л. 232); вообще неповрежденность чтенія приведеннаго мѣста не можетъ подлежать сомнѣнію.

2) Значенія какого нибудь недобраго умысла, какъ уже мы говорили прежде, эти старанія, конечно, вовсе не имѣли: считая двоперстіе за истинное и правильное перстосложеніе, люди, но совершенно понятнымъ похвальнымъ побужденіямъ, и предприняли усилія ввести наконецъ это перстосложеніе въ общее употребленіе. — Самыя эти усиленнѣйшія старанія представляютъ собою рѣшительное свидѣтельство въ пользу того, что до времени патр. Іосифа троеперстіе у насъ оставалось и находилось въ болѣе или менѣе значительномъ распространеніи.

3) Весьма замѣчательно, что Петрей и Олеарій, говоря объ употреблявшемся русскими ихъ времени (Петрей — первой четверти, Олеарій — второй четверти XVII в.) перестосложеніи, говорятъ именно о троеперстіи и только о немъ одномъ, какъ будто бы оно было ихъ единственнымъ перестосложеніемъ, — русскій переводъ перваго въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1867 г. кн. II, стр. 402 нач., русскій переводъ втораго *ibid.*, 1868 г. кн. IV, стр. 330.

бымъ здѣшнимъ причинамъ, оно не только не вошло здѣсь въ общее употребленіе, но и было формальнымъ образомъ отвергнуто. Въ юго-западной или кievской Руси особыя московскія причины вовсе не имѣли мѣста: здѣсь вовсе не составляли себѣ мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, а напротивъ постоянно смотрѣли на нихъ какъ на неизмѣнно хранящихъ эту чистоту православія. Повидимому, надлежало бы ожидать, что здѣсь мы найдемъ троеперстіе вошедшимъ въ такое же общее употребленіе, какъ и у самихъ грековъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы находимъ, что во всѣхъ здѣшнихъ учительныхъ книгахъ, начиная съ конца XVI вѣка и до половины XVII вѣка, предписывается къ употребленію не греческое троеперстіе, а московское двоеперстіе ¹⁾. Что же это значитъ и какъ это понимать? Если въ кievской Руси нисколько не сомнѣвались въ чистотѣ православія грековъ (а это несомнѣнный и безспорный фактъ, какъ свидѣтельствуютъ кievскія учительныя книги и исторія сношеній тамошнихъ русскихъ съ греками) и въ то же время хотѣли держаться перстосложенія не греческаго, а московскаго: то очевидно, что здѣсь съ формою перстосложенія не соединяли вопроса о чистотѣ или нечистотѣ православія, — что смотрѣли на нее, какъ на дѣло безразличное, и что только по какимъ-то особымъ побужденіямъ предпочитали держаться перстосложенія московскаго. Эти особыя побужденія должно видѣть въ томъ, что кievскіе русскіе были приведены къ ошибочному мнѣнію, будто троеперстное перстосложеніе есть у грековъ очень новое, явившееся не ранѣе половины XVI вѣка, и что они не хотѣли жертвовать стариной такой новизнѣ. Около 1585 года въ кievской Руси было напечатано слово Максима Грека о крестномъ знаменіи ²⁾, говорящее, какъ

1) См. сочиненіе г. *Кантерева*: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“, выпускъ первый, стр. 64 sqq. Съ немалою вѣроятностію надлежитъ принимать за исключеніе Большой калихизисъ, въ которомъ начальное предписаніе о сложеніи трехъ перстовъ должно быть усвоено автору, а дальнѣйшее поясненіе, сводящее троеперстіе на двоеперстіе, — московскимъ редакторамъ.

2) Слово было напечатано въ отдѣльномъ видѣ, крошечной, состоящей изъ двухъ четверточныхъ листовъ, брошюрой на иждивеніе или по по-

известно, о перстосложеніи двоеперстномъ, а не троеперстномъ. Сіе-то слово и заставило кievскихъ ученыхъ думать, будто троеперстіе явилось у грековъ не ранѣе половины XVI вѣка, и оно-то и побудило ихъ стать на сторону двоеперстія. Максимъ былъ родомъ грекъ и если онъ говоритъ о двоеперстіи, то ясный, по видимому, выводъ изъ сего былъ тотъ, что троеперстіе явилось у грековъ послѣ него. Этотъ ошибочный выводъ и сдѣлали кievскіе ученые, ставшіе такимъ образомъ сторонниками двоеперстія вслѣдствіе простаго недоразумѣнія.

Въ кievскихъ учительныхъ книгахъ съ конца XVI вѣка появляются наставленія о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и всѣ наставленія до Петра Могилы предписываютъ двоеперстіе. Но что касается того, какъ было въ кievской Руси до и послѣ появленія наставленій на самомъ дѣлѣ, т. е. какъ было здѣсь съ перстосложеніемъ въ народѣ или у народа, то мы имѣемъ свидѣтельство, которое увѣряетъ, что всѣ крестились здѣсь троеперстно, и которое даетъ намъ по крайней мѣрѣ право предполагать, что троеперстіе было здѣсь господствующимъ или преобладающимъ ¹⁾).

рученію („накладомъ“) епископа луцкаго и острожскаго Кирилла Терлецкаго, который переведенъ былъ изъ епископовъ пинскихъ въ епископы луцкіе 29 мая 1585 г. Мѣстомъ печати, которое, такъ же какъ и годъ, не обозначено, считаютъ Острогъ (*Жаратаев*. Хронологич. роспись, № 89). По всей вѣроятности слово указалъ Кириллу Терлецкому и напечаталъ его для него московскій печатникъ діаконъ Иванъ Ѳедоровъ, работавшій у князя Острожскаго въ Острогѣ († 5 декабря 1585 г. во Львовѣ).

¹⁾ Свидѣтельство діакона Павла Аленискаго, которое см. у *проевс. Макарія* въ Ист., XII, 172. Въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу утверждается, что въ книгахъ кievскаго изданія: Бесѣдахъ Златоустаго на Ап. Павла 1623 г., Бесѣдахъ Златоустаго на Дѣянія 1624 г. и толкованіи Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ 1625 г., изображено на картинкахъ троеперстіе (Дополненіе къ 9-й бесѣдѣ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія). Если это правда, то нужно будетъ понимать дѣло такъ, что учительные люди, по указанному выше недоразумѣнію, проповѣдывали двоеперстіе, а народъ, за представителей котораго въ нашемъ случаѣ должны быть принимаемы граверы или рѣшники картинокъ, держался въ своемъ большинствѣ издавна успѣвшаго распространиться въ немъ троеперстія. Если принимать, что въ Большомъ катихизисѣ первоначально предписывалось употреблять троеперстіе, то нужно будетъ понимать это такъ, что авторъ катихизиса предписывалъ было перстосложеніе, которое на самомъ дѣлѣ употреблялось въ кievской Руси.—

Какъ смотрѣть на самое это слово Максима, имѣвшее такое важное значеніе по отношенію къ кievской Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставшее такимъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ въ пользу двоеперстія и на Руси московской ¹⁾?

Если бы Максимъ написалъ свое слово съ нарочитою цѣлію сказать, что должно креститься двосперстно (съ каковою нарочитою цѣлію онъ написалъ слово о двоеніи пѣсни аллилуіа) или хотя бы онъ написалъ слово и не съ этою нарочитою цѣлію, но именно такъ выражался въ немъ относительно формы или образа перстосложенія: тогда, конечно, было бы несомнѣнно и не подлежало бы никакому спору, что онъ личнымъ образомъ, по чему-то совершенно для

Кievскіе учительные люди проповѣдывали двоеперстіе на основаніи московскаго источника; но на Москвѣ при патр. Іосифѣ свидѣтельство кievскихъ учительныхъ книгъ въ пользу двоеперстія было принято за самостоятельное свидѣтельство малорусской церкви. — Замѣтимъ здѣсь кетати, что Уторцы или Утерце, въ которыхъ въ 1618 г. была напечатана одна книжка, говорящая о двоенности („Сѣбраніе вѣкратцѣ словесъ отъ бож. писанія и съ объясненіемъ изложенія св. апостолъ дванадесяти артыкуловъ православной вѣры“), паходятся не въ Сербіи (на основаніи каковаго ошибочнаго мнѣнія заключаютъ о распространеніи двоеперстія въ послѣдней), а въ той же кievской Руси, собственно — въ Галиціи (въ Санокейской округѣ, не далеко на востокъ отъ городка Лизко). А когда извѣстный сербоаоанскій іеромонахъ Дамаскій, осужденный въ 1648—49 г. аеоанскими монахами за двоеперстіе, ссылался въ защиту послѣдняго, кромѣ московскихъ книгъ, еще на сербекую рукопись, писанную 130 лѣтъ тому назадъ: то, какъ съ очень большою вѣроятностію можно думать, ссылался на рукопись, содержащую творенія Пистра Дамаскина, переводомъ котораго мы обязаны именно сербамъ, см. Опис. синод. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 140, л. 279, стр. 187 нач.

1) О подлинной принадлежности слова Максиму не можетъ быть никакого спора. Оно паходится въ собраніи сочиненій Макама, которое принадлежитъ ему самому. Это есть то собраніе, предъ которымъ читается: „Предсловіе, сказуоще вкратцѣ силу книжки сеа“, нач.: „Настоащаа новосъчипеннаа книжка даръ убо сечь всеевятаго и поклоняемаго Духа“. Что авторъ предисловія есть самъ Максимъ, это ясно видно изъ того, что большую книгу онъ называетъ книжкой, а также и изъ всего вообще предисловія. Настоящаго собранія сочиненій Макама есть списки современные ему или почти современные, — пашей академической библиотеки фундамент. № 42, принадлежавшій митр. Іоасафу, и Хлудовскій № 73, писанный въ 1563 г., и въ обоихъ спискахъ читается паие слово. Академическій, бывшій Іоасифовскій, списокъ несомнѣнно доказываетъ и то, что чтеніе мѣста въ словѣ о перстахъ не переправлено послѣ Макама, а дѣйствительно принадлежитъ ему.

насъ непонятному, предпочиталъ московское перстосложеніе принятому и общеупотребительному тогда греческому. Но въ словѣ Максима этого „должно“ вовсе нѣтъ. Слово написано имъ въ отвѣтъ на чью-то просьбу раскрыть силу образа крестнаго или обычая знаменаться крестомъ, и, не говоря предписательно, что персты для крестнаго знаменія должно слагать такимъ-то образомъ, онъ говоритъ повѣствовательно, что такое-то сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія, именно — двоеперстное, значить то-то ¹⁾). Повѣствовательная, а не предписательная, рѣчь Максима можетъ быть понимаема двояко; или что онъ дѣйствительно предпочиталъ двоеперстіе троеперстію или же что онъ только не отвергалъ перваго, какъ нашего русскаго обычая. Изъ двухъ возможныхъ объясненій рѣчи Максимовой за объясненіе истинное, безспорно, должно быть признано второе, а не первое. Относительно подверженнаго измѣненію обычая, каковъ — способъ сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, дѣло состояло не въ какихъ-нибудь археологическихъ доказательствахъ (предполагая, что таковыя доказательства могли быть указаны Максиму въ пользу двоеперстія), а въ относительномъ авторитетѣ церкви, которая расходилась между собою касательно обычая; но, конечно, никто не найдетъ возможнымъ и вѣроятнымъ предположить, чтобы авторитетъ русской церкви Максимъ признавалъ высшимъ авторитета церкви греческой. Что же касается до того, что не по собственному побужденію, а будучи вызванъ говорить о господствовавшемъ тогда въ Россіи перстосложеніи, Максимъ говоритъ о послѣднемъ, какъ о перстосложеніи, которое имъ признается: то въ этомъ на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ страннаго и непонятнаго. Двоеперстіе совершенно столько же православно, какъ и троеперстіе, и наша въ семъ случаѣ разность съ греками касалась обычая, принадлежащаго къ числу обычаевъ безраз-

1) Въ подлинникѣ о перстахъ: „совокупленіемъ тріехъ перстей: сирѣчь: пальца и еже отъ средняго и малаго исповѣдуемъ,.... протяженіемъ долгаго и середняго исповѣдуемъ“.... Въ сущности ничего нескладнаго тутъ нѣтъ: Максимъ употребляетъ выраженіе „средній“ не о взаимномъ положеніи перстовъ, а объ ихъ относительной величинѣ, и разумѣетъ подъ среднимъ въ первомъ случаѣ малый средній, во второмъ — указательный, а подъ долгимъ большой средній.

личныхъ ¹⁾. Но въ отношеніи къ обычаямъ безразличнымъ русская церковь нисколько не обязана была непременно находиться въ полномъ согласіи съ церковію греческою; тутъ дѣло было исключительно въ собственной волѣ русскихъ: если они хотѣли паходиться въ согласіи съ греками (слѣдствіемъ каковаго именно хотѣнія было Никоновское исправленіе, о чемъ мы говорили выше), никто имъ не препятствовалъ, но если не хотѣли и желали удерживать свои обычаи, греки не имѣли права посягать въ семь случаевъ на ихъ свободу ²⁾. Такимъ образомъ, Максимъ долженъ былъ признавать за русскими право держаться ихъ особаго отъ грековъ обычая относительно перстосложенія, а слѣдовательно — и говорить объ этомъ обычая, когда былъ къ тому вызванъ, какъ объ обычая, который былъ имъ признаваемъ. Правда, что онъ выражаетъ: совокупленіемъ трехъ перстовъ исповѣдуемъ то-то, а совокупленіемъ двухъ перстовъ исповѣдуемъ то-то, и не выражается: вы - русскіе исповѣдуете то-то и то-то. Но при весьма частномъ и незначительномъ случаѣ, по какому Максимъ говоритъ о господствовавшемъ въ его время у русскихъ перстосложеніи (вопросъ, обращенный къ нему какимъ-то частнымъ лицомъ) отдѣлять ему себя отъ нихъ, какъ грека, было бы въ высшей степени странно и неумѣстно. По тогдашнимъ московскимъ взглядамъ, одно изъ двухъ перстосложеній было неправославно; но Максимъ, разумѣется, держался не этого московскаго взгляда, а того настоящаго взгляда, что

¹⁾ Для православныхъ, наклонныхъ мыслить пораскольничьи, замѣтимъ здѣсь кетати, что пусть смотрятъ они въ Весеѣдахъ къ глаголомому старообрядцу 9-ю бесеѣду о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія.

²⁾ Пусть припомнитъ читатель, что пишетъ относительно этого константинопольскій патріархъ Паисій въ своихъ отвѣтахъ Никону. Въ частности о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія одинъ изъ ученыхъ спутниковъ іерусалимскаго патріарха Паисія говорилъ Арсенію Суханову: „такъ (о томъ) никто не писалъ, какъ переты складывать, — ни евангеліе, ни апостоль: то есть самовольное, кто какъ хочетъ, но токмо подобаетъ крестообразно крестъ чинить; а то все добро и ереси и хулы на Бога вѣтъ никакой; мы слагаемъ верхній переть (палець) съ двѣма верхними во образъ Святыя Троицы и тѣми крестимся, а вы слагаете великій переть со двѣма нижними во образъ Святыя Троицы, а двѣма верхними креститесь такоже добро“....

оба перстосложенія одинаково православны, и для него могло составлять вопросъ только то, который обычай имѣеть болѣе авторитета. Не можетъ подлежать сомнѣнiю и само собою должно быть разумѣемо, что онъ усвоилъ большiй авторитетъ обычаю церкви греческой; но онъ признавалъ и за русскою церковiю ея право держаться своего обычая, а поэтому, вызванный говорить о семъ обычаѣ, онъ и говорить о немъ, какъ такомъ обычаѣ, который имъ признается.

2) Для благословенiя.

Въ первое время, какъ кажется, благословенiе преподавалось чрезъ возложенiе благословляющимъ своей руки или своихъ рукъ на голову благословляемаго, а если благословляемыхъ было много, чрезъ поднятiе надъ ними своихъ рукъ (какъ Иисусъ Христосъ благословлялъ дѣтей и какъ, возносясь на небо, Онъ благословилъ апостоловъ, — Матѳ. XIX, 13. 15, Лук. XXIV, 50), безъ начертанiя на головѣ или надъ головами знаменiя креста ¹⁾. Но не позднѣе конца IV — начала V вѣка вошло въ обычай преподавать благословенiе чрезъ начертанiе благословляющимъ на головѣ благословляемаго или надъ головами благословляемыхъ знаменiя креста ²⁾.

Отъ времени до начала VII вѣка имѣемъ свидѣтельства, что не для благословенiя народа, а для огражденiя себя отъ опасности епископы начертывали крестъ надъ предметами или на предметахъ, которые грозили опасностiю, тѣмъ же однимъ перстомъ, которымъ всѣ начертывали крестъ на самихъ себѣ ³⁾. Съ вѣроятностiю можно думать, что и при благословенiи народа епископы первоначально начертывали крестъ этимъ же однимъ перстомъ. Но затѣмъ, не позднѣе начала VII вѣка, предупреждая появленiе двоенерстiя для

¹⁾ Cfr у *Мартини* въ Dictionnaire des antiquités chrétiennes подъ сл. Bénir, p. 85 col. 2 sub fin., указанiе на свидѣтельства памятниковъ скульптурныхъ.

²⁾ Свидѣтельство бл. Августина, который † 430, въ 118-мъ его трактатѣ на Иоанна. Послѣдующiя многiя свидѣтельства у *Гретзера*, Т. I, lib. IV, p. 372 sqq.

³⁾ Свидѣтельства Созомена и Иоанна Мосха, — у *проев. Макарія* въ Ист., VIII, 102, прим. 123.

крестнаго знаменія приблизительно на два столѣтїя, явилось у епископовъ для благословенія народа извѣстное опредѣленное нѣскольконерстїе. Объ этомъ нѣскольконерстїи говорить Софронїй, патріархъ іерусалимскїй, скончавшїйся между 634 — 644 годами ¹⁾. Свидѣтельство Софронїя, высказанное особеннымъ образомъ, не совершенно ясно, именно — говоря о сложенїи перстовъ: пальца съ малымъ среднимъ ²⁾, онъ не совсѣмъ ясно говоритъ о способѣ ихъ сложенїя. Не совершенно ясное въ этомъ послѣднемъ отношенїи свидѣтельство Софронїево вполнѣ объясняется для насъ позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Іоанна Скилицы о патріархѣ Константинопольскомъ Михаилѣ Керуларїи. Скилица говоритъ, что когда патріархъ скончался (въ 1058 г.), то персты правой его руки, сложенные крестовидно, какъ обычно благословлять при возглашенїи народу мира, въ этомъ положенїи и остались, не измѣнившись съ омертвѣнїемъ тѣла ³⁾. Перстосложенїе крестовидное или крестовое,

†††††

1) Патр. Софронїй въ своемъ толкованїи на церковныя службы пишетъ: „Благословенїе епископомъ народа послѣ чтенїя евангелїя указывать на будущее прїшествїе (Господа) въ 6505 году, такъ какъ по числительному (счѣтному) употребленїю персты (какъ они сложены для благословенїя) означаютъ шесть разъ пять тысячъ“ (у *Миня* въ Патролог. т. 87 col. 400). Слова эти, очевидно, читаемая въ поврежденномъ видѣ, должны быть исправлены по воспроизводящему Софронїя патріарху константинопольскому Герману, у котораго находимъ: „Благословенїе архїереемъ народа указываетъ на будущее прїшествїе Христова чрезъ числительное употребленїе перстовъ, означающее (т. е. въ которомъ персты, какъ они слагаются для благословенїя, означаютъ) число шесть тысячъ пятисотное“ (ibid. т. 98, col. 417).

2) О томъ, что для полученїя въ ручномъ счѣтѣ числа шесть тысячъ пятьсотъ нужно сложить палецъ съ малымъ среднимъ, см. статью „Свидѣтельство VIII вѣка о сложенїи перстовъ въ священническомъ благословенїи“, помѣщенную во 2-й части Православнаго Собесѣдника за 1858 г.

3) Подлинныя слова Скилицы *Ἡ γὰρ δεξιὴ τοῦ πατριάρχου σταυροειδῶς σχηματισθεῖσα, ἣ ἔθος ἐλλογεῖν ἐπιφωνοῦντι τῷ λαῷ τὴν εἰρήνην, μακίηκεν ἐτραπτὸς, μὴ συνελθῶθαισα τῇ νεκρόσει τοῦ σώματος*, — Патрол. *Миня* т. 122, col. 372 fin. — Въ славянекомъ глаголическомъ требникѣ конца X—XI вѣка, который открытъ на Синаѣ и изданъ въ кирилловской трансскрипціи чешскимъ ученымъ Гейтлеромъ, въ чинѣ богоявленскаго освященїя воды, въ моитвѣ. „Самъ убо челоуѣколюбче Царю“ послѣ словъ: „ансельскїя крѣности исполненъ“ читается предписанїе: „и потомъ прѣкреститъ пою воду в. прѣстомъ“, т. е. и потомъ перекреститъ пою воду трижды перстомъ (въ глаголическомъ счѣтѣ, который почему-то оставленъ г. Гейт-

очевидно, есть такое перстосложеніе, въ которомъ тѣ или другіе персты складывались такъ, что изъ нихъ составлялся (образовывался) крестъ. Слѣдовательно, патр. Софроній говоритъ о крестовидномъ сложеніи пальца съ малымъ среднимъ перстомъ. А слѣдовательно, крестовидное перстосложеніе для благословенія, явившееся около или не позднѣе начала VII вѣка, было такое перстосложеніе, въ которомъ три перста: указательный, большой, средний и мизинецъ протягивались, а два перста: палецъ и малый, средний крестовидно полагались одинъ на другой, какъ это теперь въ благословеніи именованномъ.

Крестовидное перстосложеніе превращено въ именованное такимъ образомъ, что изъ двухъ протянутыхъ перстовъ — указательнаго и большаго среднего второй былъ нѣсколько нагнуть. Можно думать, что первоначально это измѣненіе было сдѣлано не съ тою мыслию, чтобы превратить перстосложеніе въ именованное, а съ тою мыслию, чтобы превратить его въ двукрестовое или двукрестное, и что только потомъ уже было усмотрѣно въ двухъ крестахъ съ нагнутымъ мизинцемъ именованное, значеніе каковаго и было ему усвоено. Когда послѣ половины XI вѣка, послѣ патр. Михаила Керуларія, крестовидное перстосложеніе превращено или превратилось въ именованное, относительно этого пока мы знаемъ только то, что превращеніе имѣло мѣсто не позднѣе первой половины XV вѣка. Въ 1458 году

леромъ безъ перевода на кирилловскій, в значить не 2, а 3), — *Euchologium gladolski spomenik manastira Sinai brda, izdao Dr. L. Geitler*, p. 9 нач. Это „перекрестить перстомъ“, т. е. однимъ перстомъ, можетъ быть понимаемо трояко: или что въ намѣтъ трепикѣ перстомъ вмѣсто перстами стоитъ такъ сказать археологически, какъ воспроизведеніе чтенія въ его время уже оставленнаго и не соответствующаго современной ему дѣйствительности, или что крестовидное перстосложеніе въ первое время послѣ своего появленія было употребляемо только епископами, а священники оставались при старомъ способѣ изображенія креста однимъ перстомъ; или что, наконецъ, первое время и епископами и священниками крестовидное перстосложеніе было употребляемо только для благословенія людей въ собственномъ смыслѣ перваго слова, а что начертаніе креста на предметахъ и тѣмъ и другими по прежнему дѣлалось однимъ перстомъ, какъ подобное имѣло и до сихъ поръ имѣетъ мѣсто у католиковъ, см. выше стр. 18 прим. 1 (начертаніе креста на водѣ однимъ перстомъ встрѣчаемъ и въ греческихъ позднѣйшихъ евхологияхъ, см. у Гоара въ чинѣ крещенія, по парижск. изд. стрр. 357, 360 и 363).

однимъ афонскимъ живописцемъ, іеромонахомъ Діонисіемъ изъ Фурны Аграфской, было написано руководство къ церковной живописи подъ заглавіемъ *Ἐπιτηδεῖα τῶν ζωγράφων ὡς πρὸς τὴν ἐκκλησιαστικὴν ζωγραφίαν* (Наставленіе живописцамъ въ отношеніи къ церковной живописи) ¹⁾. Въ этомъ руководствѣ читается нарочитое и обстоятельное предписаніе, что благословляющую руку должно изображать именовсловно ²⁾.

Относительно перстосложенія для благословія должна быть сдѣлана одна, впрочемъ нерѣшительная, оговорка. Такъ называемое Теодоритово слово повелѣваетъ и креститься и благословлять одними и тѣми же тремя перстами, и мы имѣемъ указаніе, что какъ будто священники дѣйствительно благословляли троеперстно, и что, слѣдовательно, именовсловно благословляли только епископы. Въ одной псалтири съ возслѣдованіемъ конца XV вѣка, находящейся въ

¹⁾ Напечатано въ Афинахъ въ 1853 г.; французскій переводъ Дюрана, съ введеніемъ и примѣчаніями Дидрона, ранѣе подлинника—въ 1845 г., а нѣмецкій переводъ Шефера въ слѣдъ за подлинникомъ въ 1855 г. Въ сочиненіи не указано время его написанія и къ 1458 году относятъ его, также не указывая основаній, издатели его подлинника. Нѣкоторые греческіе ученые объявляютъ 1458 годъ за простое измышленіе издателей Ерминіи, а нѣкоторые русскіе ученые относятъ ее къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ половина XV вѣка. Но вмѣстѣ съ Ниперомъ (*Einleitung in die monumentale Theologie*, S. 257) и Увгеромъ (въ 84-мъ томѣ энциклопедіи Ерша и Грубера статья: *Griechische Kunst*, S. 292) мы не видимъ препятствій относить ее (за исключеніемъ ея первой технической части, которую считаютъ позднѣйшей приставкой) къ половинѣ XV вѣка (пожалуй, съ оговоркою, что не отрицаемъ позднѣйшихъ вставокъ).

²⁾ Стр. 260, § 543. Вотъ подлинныя слова: *Ἐδλογοῦσαν χεῖρα διαγράφων, μὴ καὶ τὰ τρία ὁμοῦ δάκτυλα μαγνύης, ἀλλὰ τὸν μέγα δάκτυλον ὄν τῷ παρὰ μέσῳ μόνον, διότι ὁ μὲν ὀρθὸς δάκτυλος, ὁ λεγόμενος λιχανὸς καὶ τὸ λῆγμα τοῦ μεσοῦ δακτύλου τὸ ΙΣ (Ἰησοῦς) ὄνομα σημαίνουνσι ἦγον ὁ ὀρθὸς τὸ Ι καὶ ὁ καμπύλος τὸ Σ, ὁ δὲ μέγας δάκτυλος καὶ παρὰ μέσος, ἐνοῦμενοι ἀλλήλοις χιαστῶ τῷ τῶ τῶ τῶ, τὸ Χ, στοιχεῖον εἰκονίζουσι, τὸ δὲ καμπύλωμα τοῦ μικροῦ δακτύλου τὸ στοιχεῖον Σ ἦτοι τὴν λέξιν Χριστός, т. е. изображая благословляющую руку, не смѣшивай (не соединяй) вмѣстѣ и трехъ перстовъ (вѣроятно, разумѣеть авторъ: не пиши такъ, какъ слагаются персты для крестнаго знаменія), но палецъ (пиши) съ однимъ малымъ среднимъ перстомъ, потому что прямой перстъ, называемый указательнымъ, и сгибъ большого середняго перста означаютъ имя ІС (Іисусъ), т. е. прямой букву І, а согнутый букву С, а палецъ и малый середній, будучи соединены вмѣстѣ крестовиднымъ образомъ (*χιαστῶ τῷ τ, ὀφ*—на подобіе буквы χ) изображаютъ букву Х, а сгибъ мизинца букву С, т. е. слово Христосъ.*

Синодальной библиотекѣ, помѣщенъ: „Уставъ святыя горы о панагии въ пути“. Въ уставѣ этомъ читается: „аще не случится понагѣи на пути, то вынешше хлѣбець на руку правую, глаголетъ: „благословенъ Богъ, милуя и питаа насъ““, порядку, та же учинить руку свою прѣсты три, якоже іереи крестъ дѣють“, и держа хлѣбець въ рукѣ полагаетъ съ нимъ на себѣ крестное знаменіе ¹⁾).

Что сложеніе перстовъ для благословенія крестовидное, явившееся у грековъ не позднѣе первой половины VII вѣка, переходило отъ нихъ и къ намъ-русскимъ, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и само собою очевидно. Почти всѣ наши митрополиты періода домонгольскаго были греки и, конечно, употребляли для благословенія то самое сложеніе перстовъ, которое употреблялось въ Греции. Въ свою очередь епископы наши, родомъ русскіе, могли употреблять только то перстосложеніе, которое употребляли митрополиты, потому что принятіе ими какого нибудь своего особаго перстосложенія представляло бы собою нѣчто совершенно невысказанное. Вообще, совершенно ясно, что если въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ было употребляемо этими послѣдними для благословенія сложеніе перстовъ крестовидное, то и къ намъ могло перейти отъ нихъ именно только это перстосложеніе, а не какое нибудь другое ²⁾). Переходило ли къ намъ отъ грековъ перстосло-

¹⁾ Опис. Синод. ркнп. *Горск. и Невостр.* № 407, л. 195 об. Уставъ читается въ Церковномъ Уставѣ 1610 г. и въ Уставѣ Іосифовскомъ, см. *преосв. Макарія* Исторію русскаго раскола, стр. 97 прим. 193 (приведенъ текстъ спола). Во всякомъ случаѣ это „персты три, якоже іерей крестъ дѣють“, читаемое въ Уставѣ св. Горы о панагии по рукописи XV в., составляетъ важное свидѣтельство противъ раскольниковъ въ пользу троеперстія, снѣ въ Бесѣдахъ къ глаголемому старооврядцу Продолженіе бесѣды 9-й, о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія, § 14.

²⁾ Патр. Паисій въ своемъ отвѣтѣ Никону на его вопросъ о перстосложеніи для благословенія говоритъ, что персты должно складывать такъ, чтобы изъ нихъ образовывались четыре буквы І и С, Х и С, и прибавляетъ: „а которыми персты начертываютъ кто сія четыре письмена, ничтоже разньствуеть“ (отв. 25). Предполагая, что такъ было или что это имѣло силу и въ древнее время въ отношеніи къ перстосложенію крестовидному, т. е. что и въ немъ для изображенія креста не считались обязательными палець съ малымъ среднимъ перстомъ, мы будемъ имѣть на старыхъ иконахъ нашихъ нечлочисленные примѣры перстосложенія крестовиднаго. Не рѣдки на старыхъ иконахъ примѣры такого перстосложенія,

женіе именованное, положительно сказать этого мы не можемъ, не зная, когда оно у нихъ явилось. Но если предпологать, что оно явилось у нихъ не предъ самымъ тѣмъ годомъ, съ котораго становится извѣстнымъ намъ (разумѣемъ 1458-й годъ), а хотя бы даже только за полстолѣтія до него, въ концѣ XIV — началѣ XV вѣка: то необходимо будетъ думать, что оно переходило и къ намъ. Съ 1408 по 1431 годъ, въ продолженіе 23-хъ лѣтъ, митрополитомъ нашимъ былъ грекъ Фотій, послѣдній изъ грековъ, — и 23 года слишкомъ достаточное время для того, чтобы перстосложеніе принесенное митрополитомъ, могло быть усвоено отъ него и всѣми нашими епископами ¹⁾.

Со времени св. Іоны примѣръ современныхъ грековъ утратилъ въ глазахъ предковъ нашихъ свой авторитетъ; между тѣмъ, съ одной стороны, на основаніи „слова“ неизвѣстнаго Феодорита у насъ составилось мнѣніе, будто и для благословенія и для крестнаго знаменія должно быть употребляемо одно и то же перстосложеніе, а съ другой стороны — правильнымъ и должнымъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія было признано не троеперстіе, а двоеперстіе: и дѣло относительно перстосложенія для благословенія имѣло тотъ конецъ, что двоеперстіе было признано у насъ и принято за таковое перстосложеніе, одинаково съ крестнымъ знаменіемъ.

Мы замѣчали выше, что перстосложенныя руки на иконахъ по своему происхожденію и первоначальному значенію не суть руки благословляющія или молебныя, за каковыя

въ которомъ указательный и большой середній перстъ сложены крестовидно (какъ теперь въ именованномъ перстосложеніи), а палець и два послѣдніе перста соединены вмѣстѣ, плотно или не плотно. Православные принимаютъ это перстосложеніе за близкое къ именованному, раскольники — за двуперстное; на самомъ дѣлѣ со всею вѣроятностію должно видѣть въ немъ древнее перстосложеніе крестовидное.

¹⁾ По увѣренію Беевъ къ глаголемому старообрядцу, на пеленѣ, пожертвованной въ Троицкій Сергіевъ монастырь современнымъ митр. Фотію вел. кн. Василіемъ Дмитріевичемъ съ изображеніемъ на ней самого пренеподобнаго Сергія, благословляющая рука послѣдняго изображена съ явственнымъ и точнымъ перстосложеніемъ именованнымъ (*ibid.*, § 7).

онѣ начали быть принимаемы въ позднѣйшее время, а нѣчто другое. Закончимъ нашу статью рѣчами объ этомъ.

По своему происхожденію и первоначальному значенію перстосложенныя руки на иконахъ составляютъ символъ или условный, принятый иконописцами, знакъ того, что лица, изображаемыя на иконахъ съ такими руками (Спаситель или какой либо святой) говорятъ (благовѣствуютъ, проповѣдуютъ), т. е. должны быть представляемы нами какъ говорящія (благовѣствующія, проповѣдующія).

Обычай употреблять перстосложенныя руки какъ символъ или условный знакъ того, что изображаемое лицо должно быть представляемо говорящимъ, или обычай изображать говорящія лица съ перстосложенными руками введенъ еще живописцами дохристіанскими и взятъ ими съ живой дѣйствительности. Ораторы греческіе и римскіе, восходя на каѳедру, приглашали слушателей къ молчанію и вниманію и вмѣстѣ привѣтствовали ихъ посредствомъ поднятія и потрясенія перстосложенной руки, а равнымъ образомъ и во время самаго произнесенія рѣчей жестикулировали посредствомъ разнообразнаго перстосложенія ¹⁾. Сохранились до

¹⁾ Каковой обычай явился у ораторовъ, нѣтъ сомнѣнія, потому, что и въ обыкновенной жизни при какихъ нибудь усиленныхъ, особенно оживленныхъ, рѣчахъ люди потрясаютъ перстосложенною рукой, а равнымъ образомъ и подають знакъ къ молчанію среди шума если не перстосложенно, то просто поднятой рукой. Что касается до привѣтствія посредствомъ поднятія перстосложенной руки, то сравнивай употребленіе этого жеста въ настоящее время нашими военными. Объ обычаяхъ ораторовъ греческихъ и римскихъ предвартъ свои рѣчи поднятіемъ и потрясеніемъ перстосложенныхъ рукъ, равно какъ и о жестикуляціи посредствомъ разнообразнаго перстосложенія во время самаго произнесенія рѣчей, нарочито и довольно подробно говорить Квинтиліанъ въ своемъ сочиненіи *De institutione oratoria*,—lib. XI, cap. III—*De pronuntiatione*, затѣмъ мимоходомъ и не нарочно говорятъ: Персій въ своихъ сатирахъ,—*sat. IV, de Alcibiade, v. 7*, Апулей въ своихъ *Метаморфозахъ* или *De aureo asino*,—lib. II, cap. XXI, Аристенетъ (языческій писатель IV или V в. по Р. Х.,—знаемъ по указанію у Гретзера, Т. I, p. 369) и другіе (Цицеронъ въ своемъ спеціальному сочиненіи *De oratore*, не говоря подробно, дѣлаетъ общее наставленіе о сообразованіи перстовъ руки, причѣмъ разумѣетъ различныя перстосложенія, съ содержаніемъ рѣчи,—lib. III, cap. 59). Простертіе руки и потрясеніе рукой, о которыхъ говорится въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ (XII, 17, XIII, 16, XIX, 33, XXI, 40, XXVI, 1), какъ знакахъ приглашенія къ молчанію, суть именно тѣ самыя ораторскія поднятіе руки и потрясеніе рукой, о которыхъ мы говоримъ (что по-русски переведено: „давъ

настоящаго времени списки классическихъ или языческихъ произведеній, украшенныхъ миниатюрами, на которыхъ лица говорящія изображены съ поднятыми и перстосложенными руками совершенно такъ, какъ это на иконахъ и вообще на живописныхъ изображеніяхъ христіанскихъ: Мартини въ своемъ Словарѣ указываетъ на творенія Гомера, находящіяся въ Миланской амбросіанской библіотекѣ, и на Энеиду Виргилія, находящуюся въ Ватиканской библіотекѣ (подъ сл. *Vénir*, p. 85 col. 1); мы съ своей стороны можемъ указать на рукопись твореній Діоскоридеса, находящуюся въ Вѣнской императорской библіотекѣ, рисунки которой напечатаны у Несселя въ Описаніи рукописей библио-

знакъ рукою, даль знакъ рукою“, по-гречески *καταείσα, κατέβαιν τῆ χερσί, τὴν χίρα*). И въ позднѣйшее время, у ораторовъ христіанскихъ было въ обычаѣ протягивать руку передъ началомъ рѣчей, см. напр. свидѣтельство грамматика Коринна объ импер. Юстинѣ,—у *Гретзера* Т. I, p. 368 пач.—Для соображеній относительно разнообразнаго перстосложенія, которое находимъ на древнихъ памятникахъ христіанской иконографіи, считаемъ не неуменьственнымъ перечислить тѣ виды перстосложенія, которые извѣстны намъ какъ обычные ораторскіе жесты. У Квинтиліана въ качествѣ таковыхъ жестовъ указываются слѣдующіе виды перстосложенія: 1. Малый середній персть подгибался подъ палець, остальные три перста протягивались: объ этомъ перстосложеніи Квинтиліанъ говоритъ, что оно есть наиболѣе употребительное, приличествуетъ въ началѣ рѣчи, а при дальнѣйшемъ произношеніи послѣдней—въ повѣствованіяхъ, порицаніяхъ и обвиненіяхъ; 2. два средніе перста подгибались подъ палець, а указательный и мизинець протягивались; объ этомъ перстосложеніи Квинтиліанъ говоритъ, что оно есть жестъ болѣе настоятельный, чѣмъ предшествующій, въ началѣ рѣчей и при повѣствованіяхъ не идущій; 3. три послѣдніе перста пригибались къ ладони, палець прижимался къ нимъ, а указательный протягивался; по Квинтиліану, это—жестъ для порицанія и для указанія; 4. четыре первые перста слегка соединялись своими концами (а мизинець протягивался?); 5. малый середній персть и мизинець пригибались къ ладони, большой середній и указательный протягивались, палець прижимался къ двумъ послѣднимъ; 6. четыре перста слегка наклонялись, палець сгибался внутрь; 7. малый середній персть наклонялся (остальные протягивались?); 8. указательный персть упирался въ ноготь пальца съ боку, остальные персты протягивались разъединенно или сжато; 9. все персты пригибались, а палець отгибался въ сторону. Апулей говоритъ объ употреблявшемся ораторами перстосложеніи, въ которомъ два послѣдніе перста пригибались, а два первые и палець протягивались, при чемъ палець оттопыривался (отводился назадъ или въ сторону).

теки ¹⁾. Извѣстны примѣры поднятыхъ и перстосложенныхъ рукъ на произведеніяхъ и скульптурныхъ ²⁾.

Что въ христіанской иконографіи перстосложенныя руки первоначально употреблялись съ тѣмъ же значеніемъ, съ какимъ онѣ употреблялись въ иконографіи дохристіанской, на это мы имѣемъ и словесныя свидѣтельства и свидѣтельства памятниковъ. Павелъ Силенціарій въ своемъ описаніи Юстиниановой св. Софіи говоритъ объ изображеніи Спасителя на одной изъ алтарныхъ завѣсь, что Онъ представляется (изображенъ) протягивающимъ персты правой руки, какъ бы вѣщающій (въ знакъ того, что вѣщаетъ) присноживой глаголь ³⁾. Въ Вѣнской императорской бібліотекѣ находится отрывокъ написаннаго въ IV—V вѣкѣ Пятюкнижія Моусеева, украшеннаго миниатюрами, которыхъ сохранилось 24 и которыя всѣ воспроизведены у Несселя ⁴⁾. На миниатюрахъ этихъ, представляющихъ текстъ пятюкнижія въ лицахъ, очень не малое количество перстосложенно протянутыхъ рукъ, и нѣкоторыя изъ нашихъ рукъ, устраняя предположеніе, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ вольностію живописца, который ветхозавѣтнымъ лицамъ усвоилъ христіанскій образъ благословенія и молитвы, съ неоспоримою ясностію показываютъ, что онѣ не суть руки благословляющія или молебныя, а руки служащія знакомъ того, что лица, которымъ онѣ принадлежатъ, изображены какъ говорящія или должны быть принимаемы за говорящихъ, ибо видѣть въ большей части этихъ нѣкоторыхъ рукъ руки

¹⁾ *D. Danielis de Nessel Breviarium et Supplementum Commentariorum Lambecianorum sive Catalogus et caet.*, Vindob. 1690, t. I, pars III сначала.

²⁾ Кортюмъ въ примѣчаніяхъ къ своему нѣмецкому переводу Павла Силенціарія указываетъ такихъ примѣровъ нѣсколько (прим. 55; переводъ приложенъ къ извѣстному изданію Зальценберга *Alt-christliche Baudenkmale von Constantinopel*), см. также Таблицы къ Исторіи древняго искусства *Римани* (*Πινάκες διὰ τὴν Ἱστορίαν τῆς ἀρχαίας καλλιτεχνίας*), — табл. 8 № 3, табл. 9 № 4, табл. 11 № 5 и табл. 12 № 2. Въ знаменитой группѣ Лаокоона одинъ изъ сыновей Лаокоона изображенъ съ поднятой и перстосложенной рукой въ знакъ того, что онъ говоритъ, жалуется на боль, отцу.

³⁾ Подлинныя слова: Спаситель изображенъ такъ, что εἰπε δι' ἀάπτουλα τίνει δεξιτερῆς, ἅτε μύθον ἀειζῶοντα πικράσκων, λατῆ βιβλον ἔχων ζαθέων ἐπίστορα μύθων,—Патрол. *Миля*, t. 86, pars posterior, col. 2149, vers. 776.

⁴⁾ T. I, pars I, pp. 55—102.

благословляющія или молебныя было бы несообразностию ¹⁾, а въ одной — просто кощунствомъ ²⁾. Извѣстны примѣры древнихъ скульптурныхъ и въ собственномъ смыслѣ иконографическихъ памятниковъ, на которыхъ первоначальное значеніе перстосложенно протянутыхъ рукъ какъ символа или условнаго знака, что лица изображены говорящими, представляется яснымъ съ совершенною безспорностию ³⁾.

1) Изображены Исавъ и Иаковъ, изъ которыхъ первый продаетъ второму свое первенство; Исавъ съ протянутой перстосложенно рукой, — у Песселя р. 69: ясно, что Исавъ не благословляетъ Иакова и не молится на него, а говоритъ ему. Изображенъ Иосифъ, рассказывающій своимъ братьямъ видѣнный имъ сонъ; Иосифъ съ протянутой перстосложенно рукой, — у Песс. р. 82: ясно, что онъ не благословляетъ братьевъ и не молится на нихъ, а говоритъ имъ. Изображенъ Иосифъ въ темницѣ съ хлѣбодаромъ и вилочерпемъ, а передъ темницей — стражъ ея съ своей женой; стражъ съ женой обращены другъ другу съ перстосложенно протянутыми руками, — р. 87 ясно, что они разговариваютъ. Изображены братья Иосифа, стоящіе передъ нимъ послѣ того, какъ у нихъ въ мѣшкахъ найдены были деньги; Иосифъ съ перстосложенно протянутой рукой, — р. 88: ясно что онъ говоритъ братьямъ. См. также pp. 60, 65, 71, 73, 76, 83 (особенно крайняя фигура вправо отъ зрителя), 89 и 90.

1) См. миниатюру, изображающую паденіе Лота съ дочерьми, — р. 64. — Ни одной изъ перстосложенно протянутыхъ рукъ на миниатюрахъ нельзя было бы принимать за руки молебныя, а нѣкоторыя можно было бы принимать только за руки благословляющія; но благословеніе изображается на миниатюрахъ чрезъ возложеніе благословляющимъ своей руки на голову благословляемаго, — р. 77, 78 и 99. На нашихъ миниатюрахъ ясно видно, что и перстосложенная рука изъ облака по своему первоначальному значенію не есть рука благословляющая, а рука, служащая знакомъ того, что Богъ говоритъ (Изображено грѣхопаденіе Адама и Евы и надъ ними рука изъ облака, — р. 55; ясно, что Богъ не благословляетъ Адама и Еву за грѣхопаденіе, а обличаетъ ихъ въ немъ. Изображено изгнаніе Адама и Евы изъ рая и надъ ними рука изъ облака, — р. 56: ясно, что Богъ не благословляетъ Адама и Еву, а повелѣваетъ имъ изойти изъ рая). — Пророки, до сихъ поръ изображаемые на иконахъ съ перстосложенно протянутыми руками, собственно не благословляютъ и не молятся, а пророчествуютъ, т. е. руки — знакъ того, что они изображаются пророчествующими.

2) Вотъ нѣкоторые примѣры. Барельефъ на одномъ саркофагѣ изображаетъ исцѣленіе Спасителемъ двухъ слѣпыхъ; представлены Спаситель, слѣпые и два апостола; рука Спасителя на головѣ одного изъ слѣпыхъ; одинъ изъ апостоловъ съ перстосложенно протянутой рукой, обращенной къ Спасителю: ясно, что апостолъ говоритъ Спасителю, а не благословляетъ Его. Барельефъ на другомъ саркофагѣ изображаетъ исцѣленіе Спасителемъ кровоточивой; представлены Спаситель, кровоточивая и одинъ изъ

На перстосложенныя руки на иконахъ и вообще священ-ныхъ изображеніяхъ начали смотрѣть какъ на руки благо-словляющія не ранѣе XI вѣка. Изъ XII вѣка мы знаемъ свидѣтельство, которое усвоетъ перстосложеннымъ рукамъ послѣднее значеніе, — разумѣемъ приписку къ статьѣ „О фрязѣхъ и прочихъ латинѣхъ“, приведенную нами выше. Но въ извѣстномъ Менологіи импер. Василія Болгаробойца, относящемся къ концу X — началу XI вѣка, руки эти еще ясно употребляются съ своимъ первоначальнымъ значеніемъ символа или условнаго знака лицъ говорящихъ (проповѣду-ющихъ, благовѣствующихъ) ¹⁾. А что касается до того,

апостоловъ; у Спасителя и апостола, обращенныхъ другъ къ другу, руки перстосложенно протянуты: ясно, что они разговариваютъ. На одной фрескѣ изображено обличеніе Спасителемъ отрешагося отъ Него апостола Петра; Спаситель съ перстосложенно протянутой рукой, обращенной къ Петру: ясно, что Онъ не благословляетъ Петра, а говоритъ ему, т. е. держитъ обличительную рѣчь къ нему, см. у *Мартини* въ Словарѣ pp. 64 (второе изображеніе), 288 и 577. (Импер. Юстиніанъ поставилъ на дворѣ построенной имъ св. Софіи свою статую съ протянутой къ востоку правой рукой; по объясненію Свиды, это протяженіе руки означало то, что импера-торъ изображенъ былъ говорящимъ къ восточнымъ народамъ, — въ Словарѣ подъ сл. *Ἰουστινιανός*).

¹⁾ Подъ 9 октября, къ памяти діакониссы Понліи, изображено: импер. Юліанъ сидитъ на престолѣ, предъ нимъ Понлія съ протянутой къ нему перстосложенной рукой; ясно, что Понлія не благословляетъ Юліана, а держитъ къ нему обличительную рѣчь (какъ это говорится въ текствѣ сказа-нія о ней). Подъ 8 октября, къ памяти св. Целагіи, изображеніе епископа Нонна, сидящаго на кафедрѣ съ перстосложенно протянутой рукой: въ текствѣ сказанія ясно дается знать, что епископъ представленъ, какъ занимающийся ученіемъ народа. Подъ 12 Октября изображеніе 7-го все-ленскаго собора; одинъ изъ епископовъ (крайній слѣва) съ перстосложенно протянутой рукой: ясно, что епископъ не благословляетъ другихъ епископовъ, а говоритъ. Подъ 29 Декабря — избіеніе вилоемскихъ младенцевъ; Иродъ сидитъ на престолѣ съ перстосложенно протянутой рукой; передъ нимъ воины избиваютъ младенцевъ: конечно, ясно, что Иродъ говоритъ воинамъ, т. е. приказываетъ имъ избивать младенцевъ (ср. тоже изображеніе у *Мартини* въ Словарѣ, р. 299, и у *Лабарта* въ *Histoire des arts industriels au moyen age, planche V*). См. еще подъ 9 и 23 Сентября, подъ 25 Ноября и подъ 3 Декабря (къ памяти муч. Ананіи). Что персто-сложенныя руки въ Менологіи не суть руки благословляющія, а служащія условнымъ знакомъ лицъ говорящихъ, это совершенно ясно видно и изъ слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ: 1) рисунки Менологіи, какъ и его текствѣ, представляютъ одно цѣлое, произведенное въ одно время и нѣ-сколькими немногими лицами подъ однимъ чьимъ-либо смотрѣніемъ; между-тѣмъ перстосложеніе въ немъ не одно и то же на всѣхъ рукахъ, а разное (таковымъ, конечно, не было бы перстосложеніе для благословенія: живо-

когда начали смотрѣть на перстосложенныя руки, какъ на руки молебныя, и когда начали изображать съ перстосложенными руками молящихся людей: то, по всей вѣроятности, это случилось не ранѣе половины XV вѣка. По крайней мѣрѣ до этой половины XV вѣка молились посредствомъ воздѣянiя рукъ ¹⁾, при чемъ положенiе на себѣ креста было только добавочнымъ дѣйствiемъ, предварявшимъ или заканчивавшимъ руковождѣтельную молитву ²⁾; и необходимо полагать, что до того времени молящiеся и изображались съ воздѣтыми руками ³⁾.

нисцы, дѣлавшіе рисунки, изображая благословенное перстосложенiе, употреблявшееся въ ихъ время, его одно или его однообразно и изображали бы); 2) есть рисунки, на которыхъ нѣсколько лицъ представлены съ перстосложенными руками и у всѣхъ лицъ перстосложенiе разное или у каждаго лица свое особое (напр. ч. II, стр. 17 и 35). Что касается до этого разнообразiя перстосложенiя, какъ условнаго знака лицъ говорящихъ: то отчасти оно заимствовано было живописцами христіанскими у живописцевъ дохристіанскихъ, которыми въ свою очередь взято съ живой дѣйствительности, представляя собою воспроизведеице разнообразнаго перстосложенiя, употреблявшагося ораторами; отчасти могло быть заимствовано ими (христіанскими живописцами) у своихъ пѣвческихъ регентовъ (доместиковъ), которые при управленiи хорами давали знать пѣвчимъ о разнообразiи пѣнiя посредствомъ различнаго перстосложенiя протянутой руки, см. у Дюканжа въ Glossar. Graecit. подъ сл. *χειρονομία*. Въ Менологiи импер. Василiя преобладаютъ два перстосложенiя: двуперстное и крестовидное (впрочемъ, ясно крестовидное только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ же случаяхъ—могущее быть принимаемымъ за крестовидное или за то ораторское перстосложенiе, которое у Квинтиліана подъ № 1-мъ). О первомъ скажемъ сейчасъ ниже; что же касается до втораго, то его употребленiе въ Менологiи должно быть понимаемо такъ, что живописцы, рисовавшіе изображенiя для послѣдняго, берутъ какъ символъ для обозначенiя лицъ говорящихъ то перстосложенiе, которое въ ихъ время употреблялось епископами для благословенiя (что именно какъ символъ, а не съ подлиннымъ значенiемъ перстосложенiя для благословенiя, это совершенно ясно видно изъ нѣсколькихъ изображенiй, на которыхъ крестовидное перстосложенныя руки не могутъ быть принимаемы за руки благословляющiя: ч. I, стр. 63, 104, 123, ч. II стр. 5, 56, 58, 91).

¹⁾ См. у *Мансветова* въ сочиненiи: „Митрополитъ Кирианъ въ его литературной дѣятельности“ выписки изъ славянскаго устава 1409 года, стр. 83 фп., и Марка Ефесскаго Изъясненiе церковнаго послѣдованiя, — въ Писанiяхъ св. отцевъ и учителей церкви, относящихся къ истолкованiю православнаго богослуженiя, т. III, стр.

²⁾ Сfr Студійскiй уставъ патр. Алексѣя въ Синод. ркп. по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 380, л. 253 об. фп., о томъ, что монахи полагали на себѣ крестное знаменiе по окончанiи поклоновъ.

³⁾ Какъ изображаются они въ Менологiи импер. Василiя.

Мы видѣли выше, что справедливость проклятiя на некрестящихся двумя перстами у насъ повѣряли иконами Спасителя, на которыя ссылается проклятiе, и что на иконахъ находили или дѣйствительное двоеперстiе, которое не было перстосложениемъ для благословенiя, или же перстосложениемъ для благословенiя, которое, не бывъ двоеперстiемъ, могло быть принимаемо за это послѣднее. Перстосложениемъ для благословенiя, которое не было двоеперстiемъ, но могло быть принимаемо за него, было перстосложениемъ крестовидное. При нѣкоторой неотчетливости изображенiя, при наклоненiи вмѣстѣ съ малымъ среднимъ перстомъ и мизинца, какъ могли складываться персты для крестовиднаго благословенiя и въ дѣйствительности, потому что при этомъ крестъ сохранялся, оно легко могло быть принимаемо за двуперстное (а если ссейчасъ указанное перстосложениемъ писалось такъ, что рука своимъ лицомъ была обращена внутрь, а къ наружи задомъ, — что встрѣчается весьма не рѣдко и чуть не наибольшую частiю: то оно должно было казаться двуперстнымъ, ибо сзади видны были два первые перста протянутые и два послѣднiе пригнутые, а пальца не было видно); съ другой стороны, при предзанятой мысли, что перстосложениемъ должно быть двуперстнымъ, и отчетливо написанное крестовидное перстосложениемъ по своей близости къ двуперстному могло быть принимаемо за послѣднее. Двуперстное перстосложениемъ, которое предки наши должны были встрѣчать на иконахъ весьма не рѣдко, было перстосложениемъ не для благословенiя, каковое перстосложениемъ никогда не употреблялось для благословенiя въ дѣйствительности, а однимъ изъ перстосложенийъ символическихъ, служившихъ къ обозначенiю лицъ говорящихъ и, будучи заимствовано какъ таковое, живописцами христіанскими у живописцевъ дохристіанскихъ, является на иконахъ и на скульптурныхъ изображенiяхъ съ самаго перваго времени тѣхъ и другихъ. Такъ какъ въ числѣ символическихъ перстосложенийъ оно занимало первое мѣсто, будучи наиболѣе часто употребляемо, то оно и должно было весьма часто встрѣчаться на иконахъ, писанныхъ до того времени, какъ перстосложениемъ рукамъ усвоено было значенiе рукъ благословляющихъ. Но и послѣ того, какъ это послѣднее случилось, оно могло еще болѣе или менѣе долгое время писаться на иконахъ, ибо многіе иконописцы могли смотрѣть на него какъ на

усвоенную традицію и механически воспроизводить его съ старыхъ иконъ. По своему происхожденію это двоеперстіе есть собственно особаго рода троеперстіе, тождественное по виду съ тѣмъ троеперстіемъ, которое употребляется у латинянъ для благословенія и въ которомъ палець, указательный и большой середній персты раздѣльно протянуты, а два послѣдніе перста пригнуты (близкое къ тому или то самое ораторское перстосложеніе, о которомъ говоритъ Апулей). Но это троеперстіе весьма не рѣдко изображалось такъ, что палець, указательный и большой середній персты протягивались не раздѣльно, а сжато, и именно — сжато двоякимъ образомъ: или такъ, что указательный и большой середній сжимались между собой (подразумѣвается — протянутые), а палець прижимался къ нимъ, достигая своимъ верхомъ втораго отъ низу сустава указательнаго (у Квинтиана № 5-й) или такъ, что указательный и большой середній сжимались между собой, а палець протягивался отдѣльно отъ нихъ, ложась на сгибъ малаго середняго перста. Въ томъ и другомъ случаѣ и выходило двуперстіе (собственно въ одно и то же время и двуперстіе и особаго вида троеперстіе) ¹⁾.

Е. Голубинскій.

¹⁾ Кромъ двуперстія, о которомъ сказали мы сейчасъ, встрѣчается двуперстіе и совершенно тождественное съ нашимъ позднѣйшимъ или съ теперешнимъ старообрядческимъ двуперстіемъ, т. е. въ которомъ палець упертъ своей пушкой въ пушки малаго середняго перста и мизинца (въ Менологіи импер. Василія нѣсколько разъ; затѣмъ см. еще напр. снимки съ миниатуръ одной, относимой къ VI—IX в., греческой рукописи въ Сборникъ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ на 1866 годъ, отд. I, къ стр. 86, № 6). Это двуперстіе должно быть принимаемо не за древнее молитвенное двуперстіе, употребляемое въ качествѣ символа лицъ говорящихъ, ибо послѣднее, какъ указывали мы выше, должно быть представляемо иначе, а за самостоятельный символъ или за одинъ изъ самостоятельныхъ видовъ перстосложенія, служащаго символомъ лицъ говорящихъ. Такъ какъ этого двуперстія мы не встрѣчаемъ на иконографическихъ памятникахъ дохристіанскихъ: то можно думать, что оно взято живописцами въ сравнительно позднее время отъ тѣхъ пѣвческихъ domestikовъ, о которыхъ мы упоминали выше. Что касается до его тождества съ позднѣйшимъ нашимъ и съ теперешнимъ старообрядческимъ двуперстіемъ, то, можетъ быть, послѣднее есть простая случайность, а можетъ быть — древнее молитвенное двуперстіе было переправлено у насъ на позднѣйшее именно по образцу его (символическаго иконнаго двуперстія).